

Светлана Алешкина

*Позвольте
вас подставить*

ЭКСМО

Новая русская

Светлана Алешина

**Позвольте вас
подставить (сборник)**

«Научная книга»

2003

Алешина С.

Позвольте вас подставить (сборник) / С. Алешина — «Научная книга», 2003 — (Новая русская)

Частный детектив-любитель Лариса Котова не в состоянии отказаться от расследования дела, которое свалилось на нее как снег на голову. Пропала жена предпринимателя Прошакова – Татьяна вышла из офиса, а домой так и не вернулась. Супруги последнее время не ладили: скандалили, соседка слышала даже, что муж грозился убить жену. К тому же милиция обнаружила в их квартире странные следы на кафельном полу, окровавленную блузку и в гараже сережку, принадлежащую пропавшей женщине... Опрошенные Ларисой коллеги Прошаковой видели в тот день разное: подруга утверждала, что та садилась в «девятку», за рулем которой был мужчина. А один из начальников поклялся, что заметил, как она тормозила белую «шестерку». Кто же из них лжет?

© Алешина С., 2003

© Научная книга, 2003

Содержание

Позвольте вас подставить	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	38
Глава 4	47
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Светлана Алешина

Позвольте вас подставить (сборник)

Позвольте вас подставить

Глава 1

Татьяна всю ночь ворочалась, вздрагивала и никак не могла полностью окунуться в крепкий сон. Заснуть, да нет, даже не заснуть, а провалиться в какое-то забытие, удалось только под утро. И естественно, тут же раздался звонок будильника. Татьяна слышала его сквозь сон, но отреагировать не хватило сил. Будильник выключил муж. Выключил и сразу же поднялся. Пошел в ванную, на кухню, а потом вернулся к постели.

– Таня, вставай! – громко позвал он. – Вставай, ты уже спишь пятнадцать минут лишних.

Вставать не хотелось смертельно. Но надо, потому что, как обычно, идти на работу. На работу, которая уже стала просто противной. Каждый день одно и то же, с девяти до шести, один и тот же коллектив, одни и те же лица, занятия. Да и зарплата одна и та же уже давно и повышаться не собирается. Надоело!

И вообще все надоело! И дома тоже надоело! То же самое однообразие. Но не приятное однообразие, которое называется стабильностью, покоем и семейным счастьем, а рутинное, давящее и изнуряющее. Покоя никакого нет, а счастья и подавно. Татьяна давно уже убедилась, что дома ее не ждут. Вернее, ждут только для того, чтобы заявить о том, что пора ужинать. Да и не ждут, а ждет, потому что дома, кроме нее, живет только муж. Детей нет, так уж случилось. И пробовать что-то по-другому уже не получится.

Казалось, все равно можно жить счастливо и без детей, но вот не складывается. Отдалились незаметно, стали, по сути, чужими, как квартиранты под одной крышей. Виктор говорит, что это все ее выдумки, что голова забита не тем, чем нужно... Но ведь раньше же не была забита! Потому что раньше было по-другому. И любовь была, и общие радости, а потом все куда-то делось. Куда? Непонятно. Просто так, само собой развеялось, рассеялось и исчезло.

Татьяна давно себе сказала, что нужно что-то менять, даже придумала как, но ведь он не соглашается! Его это не волнует, у него только собственные проблемы, а ее мысли кажутся дурью. И все-таки она не хочет отступать. Если сейчас отступить, то так и будешь жить до конца дней в этой рутине и нелюбви.

– Таня, уже восемь, тебе через полчаса выходить, – снова заглянул в комнату Виктор.

Татьяна, не отвечая, с трудом заставила себя подняться и пошла в ванную.

«Ничего, ничего, это ненадолго, – утешала она себя, стоя под теплыми струями душа. – Немного осталось, а потом все будет по-другому. И настроение по утрам тоже будет другое».

Выйдя на кухню, она увидела, что Виктор уже позавтракал бодибродами с колбасой и теперь пил кофе, уткнувшись в газету. И это тоже обидело.

«Хоть бы спросил о чем-нибудь! – с нарастающей злостью подумала она. – Или бутерброды на двоих сделал! Я для него и обеда и ужины готовлю, а ему на меня совершенно наплевать!»

– Тебе налить кофе? – поднял голову муж.

– Не надо, я сама! – сквозь зубы процедила Татьяна, уже закусившая удила.

Виктор пожал плечами и снова углубился в чтение. Но Татьяна завелась. Налив кофе и решив не тратить времени на завтрак – и так действительно лишние полчаса провалялась в постели, – она обратилась к Виктору:

- Ты меня отвезешь на работу?
 - Я же тебе говорил, что машина сломалась, сегодня закончу ремонт.
 - А мне теперь на троллейбусе добираться? Я и так опаздываю!
 - Езжай на маршрутке, то же самое по времени, что на машине.
 - Не то же самое! – упрямо возразила Татьяна. – К тому же в машине удобнее. А ты все другим чинишь, пока наша сломана! Нет бы ею в первую очередь заняться!
 - Не получилось в первую очередь, я же тебе объяснял. Сразу несколько заказов – их что, бросить? И деньги бросить? – возразил Виктор.
 - А жена теперь неизвестно на чем должна добираться!
 - Господи, Таня, ну поймай левака, в конце концов! – не выдержал муж. – Раз уж так нужно.
 - Нужно! Не очень-то мне и нужно, – тут же сказала Татьяна. – И вообще мне эта работа не нужна! Я сто раз тебе говорила!
 - А я тебе сто раз говорил, чтобы ты увольнялась, если тебе там невмоготу! – повысил голос Виктор. – Но ты же сама не уходишь, только жалуешься.
 - Увольняться? Да? И сидеть дома? – закричала Татьяна. – Взаперти целыми днями?
 - Никто тебя не запирает, – буркнул Виктор.
 - А чем заниматься? Обед готовить, стирать, гладить... Может быть, мне еще вышивать научиться? Я и так достаточно времени на хозяйство трачу! – В голосе Татьяны появились слезы.
 - Ты чего хочешь-то? – не выдержал Виктор, отставляя чашку. – Конкретно можешь сказать? А то – и так не хочу, и эдак!
 - Я тебе уже говорила, чего я хочу! Заниматься другим делом!
 - Если ты опять про свой... – начал муж, но Татьяна перебила его:
 - Да, опять! И буду опять! Потому что для меня это важно! Ты вон как хорошо устроился – занимаешься своим бизнесом, он тебе нравится, да еще и деньги приносит! Встаешь когда захочешь, идешь когда захочешь, а я что? Из-за грошовой зарплаты каждый день на работу и обратно, туда-сюда, и в снег, и в грязь! А ради чего?
 - Еще раз тебе говорю – увольняйся!
 - А дома...
- Разговор, как всегда в последнее время, закончился скандалом. Татьяна ушла разобженная, так и не допив кофе и не став завтракать. Выйдя из маршрутки, она поднялась в офис и устало плюхнулась на стул, включая компьютер.
- Чего с утра такая смурная? – спросила подруга Маша, включая электрочайник и собирая со стола чашки с намерением их помыть.
 - Да! – Татьяна только рукой махнула.
 - Опять с Виктором поругались?
- Татьяна не ответила.
- Ладно, я сейчас чашки вымою, мы с тобой кофейку попьем, и расскажешь, что на сей раз, – усмехнулась Маша, выходя из комнаты.
- Татьяна в это время рассеянно смотрела на экран, машинально щелкая мышью и загружая нужные файлы. Голова у нее была забита своими мыслями, она постоянно возвращалась к сегодняшнему разговору с мужем. Собственно, разговоры на эту тему возникали в последнее время часто, и Виктор всегда реагировал одинаково. Татьяну это не устраивало. Она не хотела понимать, почему муж ведет себя именно так, у нее было одно объяснение – ему жалко денег. О том, что стоит за этим, она не задумывалась.
- Вернулась Маша, выключила чайник и разлила по чашкам кофе, благо что у них на работе его выдавали бесплатно. Татьяна молча кивнула, взяла свою чашку и отпила глоток. Обжегшись, чертыхнулась, резко отодвинула чашку и совсем надулась. Маша с легкой улыбкой сле-

дила за ней, зная, что подруга долго не выдержит и примется рассказывать. Посидев некоторое время с хмурым видом, Татьяна сказала:

– Блин, ну когда же он перестанет вести себя так по– свински!

– Ты о чем? – поинтересовалась Маша, не уточняя, потому что это и так было понятно.

– Когда он перестанет думать только о себе?

– А о тебе кто же думает?

– А обо мне, выходит, только я сама! – Татьяна снова придвинула чашку и стала пить кофе. – Ему до меня совсем дела нет! В кои-то веки попросила денег, а он не дал.

Маша выразительным взглядом окинула фирменный костюм Татьяны, а также дорогие украшения. Татьяна, заметив это, отмахнулась:

– Да все это ерунда! Я же не на новые сережки попросила, а на серьезное дело!

– Значит, он не считает его серьезным, – пожала плечами Маша.

– Вот именно! – вскакивая со стула, нервно заявила Татьяна. – Он и меня такой не считает! Он меня вообще за дуру держит! И не только душой считает, но и стервой! Хотя я для него... – Татьяна замолчала. Она не нашлась чем завершить фразу. Справедливости ради, вспомнив свою жизнь в последнее время, она не смогла ответить, что, собственно, она делала для мужа? Однако смириться с этим, особенно сейчас, совершенно не хотелось, и она продолжила стандартно и не совсем удачно: – И стираю, и убираю, и жрать готовлю!

– Ну, а он деньги зарабатывает, – естественно, тут же парировала Маша. – Нормальное разделение труда. Знаешь, мне вообще кажется, что тебе стоит выбросить эту дурь из головы. А то вы окончательно разругаетесь. Тебе это надо?

– Кажется, это уже и так произошло! – мрачно сказала Татьяна, снова плюхаясь на стул.

– Так вот ты с ним сначала отношения наладь, а потом добивайся своего, – посоветовала Маша. – А то рывкаешь на него, а потом заявляешь, что тебе деньги нужны.

– Но мне они и в самом деле нужны! Я же тебе объясняла на что! – воскликнула Татьяна. – Ты что, тоже против меня?

– Да вовсе нет, – запротестовала Маша.

– А что же ты тогда его все время защищаешь?

– Потому что мне кажется, что ты не права. Подумай, Тань, действительно ли тебе это так нужно?

– Нужно, – упрямо мотнула головой Татьяна. – Я тебе рассказывала... Ты вот говоришь – отношения наладить. Я для этого и задумала свое дело, чтобы доказать ему, что я тоже много что могу, что он зря меня душой считает.

– Вот чем больше будешь про свое дело твердить, тем больше будет считать, – убежденно заявила Маша. – Не переубедишь ты его.

Но Татьяна уже не хотела слушать никаких аргументов.

Дверь кабинета открылась, и на пороге появилась Галина Андреевна, технический редактор фирмы «Ваша книга», полная крашеная блондинка за сорок. Она поприветствовала женщин и осведомилась:

– О чем с утра спор?

– Да так, – махнула рукой Маша. – Разговор на нескончаемую тему.

– Завтра справочник сдавать по кардиологии, – напомнила Галина Андреевна. – У нас рисунки готовы?

– Я схожу к художникам, – буркнула Татьяна. – Сегодня обещали закончить.

– Ты чего хмурая-то? – снимая плащ, спросила Галина Андреевна.

– Ничего! – огрызнулась Татьяна. – Это у вас, Галина Андреевна, всех забот – дочь да внуки, а у меня...

– Да уж, у тебя забот полон рот, – усмехнулась женщина.

Татьяна явно собралась было вспылить, но Маша предупреждающе взяла ее за руку.

– Пойдем-ка покурим, – предложила она.

– Вот-вот, – поддержала Галина Андреевна. – Покурите, нервы в порядок приведите.

– Мои нервы никого не касаются! – огрызнулась Прошакова, дернулась и резко вышла в коридор, грохоча каблуками.

Маша со снисходительной улыбкой посмотрела ей вслед, Галина Андреевна покачала головой.

– Опять с мужем с утра поскандалила? – кивнув на дверь, спросила она.

– А то с кем же, – вздохнула Маша, двигаясь к выходу. – Ладно, Галина Андреевна, к обеду у нее это пройдет, сами знаете.

– Знаю, да только утомили ее перепады настроения, – в ответ вздохнула технический редактор.

Когда Маша подошла к курилке, Татьяна уже сидела на колченогом стуле и нервно дымила. Маша присела рядом.

– Не надоело каждый день из-за одного и того же себе нервы портить? – спросила она.

– Надоело! И вообще мне все надоело! – зло ответила Прошакова. – Уволюсь к чертовой матери.

Маша только плечами пожала. В коридоре слышались тяжелые шаги, и вскоре в курилку, пыхтя и отдуваясь, протопал очень полный мужчина лет сорока, в очках, страдающий одышкой. Увидев девушек, он заулыбался.

– Где еще можно встретить наших подружек! – всплеснув руками, с преувеличенной радостью и весельем воскликнул он.

– Здравствуйте, Филипп Викторович, – поприветствовала его Маша, а Татьяна молча кивнула.

Однако при появлении этого мужчины она постаралась стряхнуть с лица мрачное недовольное выражение и даже изобразила на нем подобие улыбки.

– Танечка, книжка будет готова до завтра? – как-то грустно спросил Филипп Викторович.

– Да-да, – заверила его Татьяна. – Уже почти готова.

– И фотографии вставлены? – причмокнув губами, уточнил толстяк.

– Конечно! – не моргнув глазом сказала Прошакова.

– Очень хорошо, Танечка, очень хорошо. Раз все почти готово, можете зайти ко мне в кабинет, девочки, кофе попьем...

И он, тяжело переваливаясь, двинулся дальше по коридору.

– Ты что, – толкнув подругу в бок, зашептала Маша. – У нас же еще ничего не готово! Сегодня нужно весь день вкалывать, чтобы успеть!

– Ничего, – отмахнулась Татьяна. – Первый раз, что ли? Он проверять все равно не будет, ему же лень! А сегодня поднажмем как следует и все закончим. Там в принципе не так уж много.

– Ох, не знаю... – протянула Маша.

– Да ладно тебе! – с досадой одернула ее Таня. – И так тошно! Говорю тебе, что успеем, не нагоняй тоску! А будешь охать, тогда вообще лучше иди к художникам в кабинет! – неожиданно разозлилась она. – И не мешай мне! Я без тебя справлюсь!

Татьяна с силой вмяла сигарету в пепельницу, сломав ее при этом, резко поднялась и порывисто прошагала к кабинету. Маша еще раз вздохнула, pokrutila пальцем у виска и стала спокойно докуривать.

До обеда они с Татьяной почти не разговаривали, Маша избегала обращаться к ней с вопросами. Она молча делала свою работу, стараясь успеть как можно больше, то и дело переговариваясь с Галиной Андреевной. Татьяна сидела, уткнувшись в компьютер, и молчала. Около часа дня в кабинет заглянул Филипп Викторович Астахов, заместитель директора

фирмы «Ваша книга», тот самый толстяк, что с утра интересовался, закончена ли книга, и теперь пребывал в уверенности, что да.

– Девочки, – с улыбкой обратился он ко всем трем женщинам. – Прошу ко мне в кабинет на кофе. Вы знаете, он у меня особенный! – хитровато подмигнул зам.

Кофе у Филиппа Викторовича и впрямь был особенным за счет того, что он добавлял в него настоящий на травах бальзам, что придавало напитку специфический вкус, а также легкое хмельное настроение после его употребления внутрь.

– Простите, Филипп Викторович, я в перерыве в магазин хотела сбежать, – отказалась Галина Андреевна, с недоумением глядя на заместителя директора.

– И я тоже, – добавила Маша, не поднимая глаз.

– А я приду! – решительно заявила Татьяна, поднимая голову от компьютера. – Пойдемте, Филипп Викторович.

И не обращая ни на кого внимания, гордо вскинув голову, она прошагала за замдиректора по коридору в его кабинет. Оставшись вдвоем, Маша с Галиной Андреевной переглянулись и развели руками.

– Ну что она творит?! – воскликнула технический редактор. – И так еле-еле успеваем, а она кофе пить! И Астахов тоже хорош! Знает, что нам книжку доделывать...

– Не знает, – перебила ее Маша. – Танька ему сказала, что почти все готово.

Галина Андреевна только руками всплеснула.

– Ну что это такое? – возмущенно продолжала она. – И нас подводит, и себя! Сама увольняться собралась, ей наплевать на нас! А мы-то останемся с какими глазами?

– Ладно, – вздохнула Маша. – Давайте работать, Галина Андреевна. Я так поняла, вы ни в какой магазин не собираетесь?

– Нет, конечно! Это я Астахову сказала, чтобы отвязаться.

– Ну тогда вперед, – кивнула Маша, и обе женщины склонились над клавиатурами.

* * *

Татьяна Прошакова сидела в кабинете Филиппа Викторовича Астахова, пила уже третью чашку кофе с бальзамом, беспечно помахивая носком туфли.

– Филипп Викторович, а у вас в прошлый раз конфеты были с вкусной начинкой, – напомнила она. – Остались?

– Да, Танечка, конечно. – Пыхтя, Филипп Викторович поднялся с места и прошел к холодильнику, доставая большую коробку шоколадных конфет и выставляя ее на стол.

– И бальзамчику еще захватите! – крикнула ему Татьяна.

Она в этом плане была бесцеремонна и откровенно пользовалась добротой Астахова. Когда-то на свой день рождения заместитель директора проявил щедрость к своим подчиненным, пригласив их в свой кабинет, дабы вместе отметить знаменательное событие. Потом он иногда приглашал девчонок просто поболтать и попить кофе, если книга была закончена и работы было мало, потом некоторые стали заглядывать и сами, а Татьяна в этом плане просто села безотказному Филиппу Викторовичу на шею. Она приходила в его кабинет в любое время, сама просила налить ей кофе, рассказывала о своей жизни... Поначалу Филипп Викторович относился к этому спокойно, задавал вопросы о том, как Татьяна живет, – ему это было интересно. А потом и сам не заметил, как посещения Прошаковой превратились для него в обузу: женщина вела себя нагло, а слабохарактерный и мягкотелый Астахов не мог поставить ее на место. К тому же Татьяна была исполнительной сотрудницей, работу сдавала в срок, так что конфликтовать с ней не хотелось...

С директором фирмы «Ваша книга» Сергеем Аркадьевичем Вавиловым, человеком жестким и сухим, такой номер не прошел бы, и Татьяна это прекрасно понимала. Она и пользо-

валась добротой Филиппа Викторовича, причем выставляла это так перед остальными сотрудниками, словно он ее покровитель и она у него на особом счету. Этим она объясняла свое мнимое привилегированное положение.

Маша Кудрявцева знала, что все это зиждется лишь на врожденной наглости подруги, неоднократно предупреждала, чтобы та не злоупотребляла добротой Филиппа Викторовича, но Татьяна не была бы Татьяной, если бы вела себя по-другому. Не имея в реальной жизни оснований для того, чтобы проявить власть, она создавала иллюзию этого для своих коллег, наглым образом делая вид, что стоит над всеми остальными, повышая собственную самооценку в первую очередь для себя. Остальные это понимали, но старались не спорить с Прошаковой, зная ее вредный и взрывной характер. Просто помалкивали, улыбаясь про себя. Иногда, когда Татьяна совсем уже переходила всякую грань, кто-то из коллег не выдерживал и высказывал свое возмущение вслух. Прошакова пробовала ерепениться, но, выслушав тихое замечание подруги Маши, остывала, вспомнив, что на самом деле она такая же, как и все, и некоторое время вела себя тихо. Она улыбалась, заглаживая вину перед тем, кого обидела, делала какие-то угощения, а потом... Потом все забывалось, и Татьяна вновь превращалась в мегеру.

Но Филипп Викторович обо всех этих закулисных передрягах ничего не ведал, а если бы и узнал, то был бы крайне удивлен и огорчен. Он всегда гордился дружным и сплоченным коллективом, сложившимися теплыми отношениями и искренне пытался сделать их еще более дружественными.

– Пейте, пейте, Танечка, – подливая Татьяне бальзама в кофе, причмокивал он. – Как жизнь, как здоровье?

– Да здоровье ладно, – махнула рукой Прошакова. – А жизнь... Вы же знаете, Филипп Викторович, какая у меня жизнь! Угораздило выйти замуж за этого дуболома!

– Танечка! – с отеческим укором произнес Филипп Викторович. – Нельзя уж так. Помоему, ты несправедлива к своему мужу.

– Ну конечно! Я несправедлива! Да он совсем забыл о том, что я его жена! Ему до меня дела нету! Придет вечером, сразу ужин ему подавай! А от самого маслом машинным воняет и еще чем-то там! А помыться лень!

Филипп Викторович с легкой и грустной улыбкой слушал эмоциональные и непоследовательные высказывания своей подчиненной. Он все прекрасно понимал, однако... Филипп Викторович жалел женщин. Уже за одно то, что они женщины, считая, что женская участь гораздо тяжелее мужской и что к таким вот проявлениям женской натуры нужно относиться терпимо и с пониманием.

У самого Астахова личная жизнь, можно сказать, не сложилась, в чем он не признавался даже самому себе. Внешне это была образцовая семья: он, жена и двое детей. Жена была женщиной жесткой, властной и себялюбивой. Мужа своего она искренне считала тряпкой и всячески помыкала им. А Филипп Викторович полагал, что так оно и должно быть, что он на то и мужчина, чтобы безмолвно сносить насмешки и попреки и сохранять семью. Вместе супруги жили уже пятнадцать лет, и он сам не заметил, как постепенно между ними не осталось любви и даже уважения: только жалость и горечь с его стороны, и злоба и презрение – с ее.

Со стороны на них не могли нахвалиться, жена ставила заботливого и спокойного Филиппа в пример другим мужьям, и только близкие люди понимали, насколько эта семья далека от самого понятия семьи. В глубине души и Филипп Викторович осознавал, что все вышло не так, как он мечтал, но путей к изменению не видел, о том, чтобы развестись с женой, и помыслить не мог, так что потихоньку продолжал привычное существование, с грустью оправдывая поведение супруги тем, что она устает дома с детьми, что часто болеет, и от ее внушений уверился, что мало приносит жене денег, уделяет внимания.

Он с интересом выслушивал своих сотрудниц, думал над их судьбами, жалел и желал им счастья. Так уж получилось, что больше всех он уделял времени своей подчиненной Татьяне

Прошаковой, и не потому, что сильнее других симпатизировал ей, а потому, что Татьяна наиболее ярко и демонстративно рассказывала о проблемах своей семейной жизни. Делиться этими проблемами на работе было ее основным и любимым занятием. Вот и сегодня, сидя с Филиппом Викторовичем за одним столом, она оседлала любимую тему и беззастенчиво грузила Астахова своими мнимыми проблемами.

– Я уже решила однозначно, – пристукивая кулаком по столу, говорила Татьяна, – если не пойдет на мои условия, подам на развод! Но только так, чтобы до нитки его раздеть! Я ему ничего не оставляю! И неважно, что у нас ребенка нет. Я ему жена законная, прожила с ним, слава богу, десять лет. Вернее, не слава богу, а черт бы их побрал, эти годы! Всю молодость на него угробила! Могла бы, между прочим, гораздо лучше себе найти.

– Танечка, очень трудно найти идеального человека, – вздыхал Филипп Викторович. – Точнее, невозможно, потому что его просто не существует.

– Ой, да у меня такие женихи были! – резко выбросила вперед руку Татьяна. – А я позарилась на его рожу смазливую!

– Еще неизвестно, как бы с кем-то другим сложилась жизнь, – осторожно заметил Астахов. – Могло быть куда хуже. Я вообще считаю, что тебе еще повезло.

– Ах, повезло? – Татьяна чуть не задохнулась от гнева. – Ну, знаете, Филипп Викторович, это уже просто... ни в какие ворота! Да вы что, издеваетесь надо мной?

– Ну что ты, Танечка, у меня и в мыслях не было! Успокойся, выпей еще бальзамчика... – постарался сгладить неприятный момент Астахов.

Татьяна вышла из кабинета замдиректора перед самым концом рабочего дня, будучи основательно под хмельком. Она прошествовала к своему рабочему кабинету, гордо тряхнула крашеными в темно-рыжий цвет кудрями и рванула дверь. Споткнувшись у порога из-за высоких каблуков, она пролетела вперед и спаслась от падения только потому, что крепко ухватила за дверную ручку. Маша и Галина Андреевна встретили ее появление молчанием.

– Ну? – насмешливо обратилась к ним Татьяна. – Что так уставились?

– Вот, – сухо сказала Маша, кивнув на высокую стопку в углу кабинета. – Все уже сверстано, завтра можно отсылать.

– А-а-а, – протянула Татьяна. – Осуждаете меня, да? В смысле, вы такие работницы золотые, а я одна тунеядка! Ну конечно! А то, что я за компьютером ночами просиживала, уже никто не помнит!

– Таня, ты выпила лишнее, езжай домой. Завтра поговорим, – сказала Галина Андреевна, надевая перед зеркалом шляпу.

– А вот то, что я выпила, касается только меня! – резко ответила Прошакова.

Маша, не обращая на нее внимания, попрощалась с Галиной Андреевной и прошла к выходу.

– Что тут будешь делать?! – с усмешкой покачала головой Татьяна. – Лучшая подруга, и та выражает мне свое презрение! Да я вообще на вас всех плевать хотела!

– Таня, я запираю кабинет, – предупредила Галина Андреевна.

– Да пожалуйста! – зло сказала Прошакова, выходя за дверь.

Она постояла некоторое время в коридоре, думая, что, может быть, Маша ждет ее, потом стала спускаться по лестнице. В этот вечер подруги впервые за все время совместной работы отправились домой порознь. Татьяна решила пройтись пешком, по дороге накручивая себя еще больше, и явилась домой злая. Муж уже вернулся и сам разогревал ужин. Только мельком взглянув на жену, он понял, что с ней сейчас лучше не вступать ни в какие разговоры, и молча продолжал заниматься своим делом. Татьяну такое положение дел решительно не устраивало. Она, не переодеваясь, прошла в кухню и села на стул с сигаретой в руках.

– Я увольняюсь с работы! – Первое, что заявила она.

Виктор пожал плечами, перемешивая макароны на сковороде.

- Ты что, не слышишь? – повысила голос жена.
- Я прекрасно слышу, Таня, – отозвался муж.
- И ты так спокойно реагируешь?
- А что я должен делать? Впасть в панику? Мы же обсуждали это не один раз, и я считаю, что лучше тебе уволиться, чем мне постоянно наблюдать твоё недовольство.
- Отлично! И ты даже не поинтересуешься причиной? – продолжала заводиться Татьяна.
- Да мне давно известны причины, ты мне сама о них говорила. Зарплата маленькая, работа нудная, коллектив не устраивает... Ну, не хочешь там работать, не надо. Я разве возражаю?
- А как я буду дальше жить, тебя не волнует?
- А как ты сама собираешься? Кстати, есть будешь? Все готово.
- Не буду я есть! – с гримасой отвращения отодвинулась от стола Татьяна. – У меня сейчас поважнее заботы. Я тебе еще раз повторяю: я не собираюсь сидеть дома, я хочу открыть свое дело.
- Открывай, – махнул рукой Виктор.
- Так ты дашь мне денег? – быстро спросила Татьяна.
- Я же тебе тоже уже говорил, что нет. Сколько можно повторять?
- Да ты что, издеваешься? – вскричала супруга. – Как же я смогу что-то начать?
- Да не надо тебе ничего начинать, вот мое категорическое мнение! – Виктор начал выходить из себя.
- Почему?
- Потому что у тебя ничего не получится. Господи, сто раз уже говорили! Голова уже болит от этого!
- У меня серьезная идея.
- Очень серьезная! – фыркнул Виктор. – Ты хотя бы можешь четко определить, что конкретно за дело ты собираешься открыть?
- Это не важно! Собственный бизнес всегда приносит прибыль, на кого хочешь посмотри! – Тон Татьяны был безапелляционным.
- Виктор устало опустился на табуретку и принялся есть прямо со сковородки.
- Как свинья! – прошипела Татьяна.
- Виктор, не отвечая, продолжал есть.
- Давай сначала договорим, потом будешь жевать! – не отставала Татьяна.
- Да о чем говорить-то?! – не выдержав, бросил вилку муж. – Не знаешь ничего толком, а лезешь куда-то! Мои мастерские и точки постоянно охаиваешь, а живем мы, между прочим, только за счет доходов с них!
- А свой гараж тебе зачем? – ухватила за другую тему Татьяна. – Зачем сам свою машину чинишь, почему на станцию техобслуживания, между прочим, не отдашь? Вечно грязный, в масле, руки черные! Тоже мне! Ты хоть помнишь, когда мылся последний раз? Кому не скажешь, все удивляются, как можно с таким вонючим мужиком в постель ложиться!
- Виктор вышел из себя. Он грохнул кулаком по столу, покраснел и заорал на жену:
- Гараж вообще не трогай! Я тебе сто раз говорил, что это мое! Чем хочу в свободное время, тем и занимаюсь! А ты, сука, орешь на каждом углу такие вещи, которые могут говорить только такие хабалки, как ты! На себя бы посмотрела! Сама-то ты кто? Институт и то не закончила, если бы не Машка, которая протекцию тебе сделала, стояла бы на базаре, жопу морозила!
- Да, на базаре! Там и то бы больше зарабатывала! – закричала Татьяна. – И вообще не смей на меня орать. Уйду я от тебя к чертовой матери, надоело!
- Да иди, кто тебя держит! Нанимайся вон и иди хоть завтра! Хоть видеть тебя не буду, достала уже!

– Продавцом, что ли? – визгливо переспросила Татьяна. – Нашел дуру! Я хочу свою точку иметь, хозяйкой на ней быть!

– Хозяйкой! – передразнил ее Виктор. – Дура ты и есть! Воистину дура!

– Ах так? – Татьяна совсем взбеленилась. – А ты... Ты... ты вообще пожалеешь, если мне откажешь в этих деньгах! Я тебе знаешь что устрою? Я тебя вообще с голой задницей оставлю! Пожалеешь потом!

– Да пошла ты со своими угрозами! – Виктор вскочил из-за стола. – Напилась, так иди проспись!

– Я-то не напилась, я все соображаю! Вот посмотришь, что с тобой будет, если... – Татьяна запальчиво погрозила мужу пальцем.

– Слушай, а вот что с тобой будет, я уже не ручаюсь!

– А что со мной? – ухмыльнувшись, подбоченилась Татьяна.

– Да я тебя просто убью! Все нервы ты мне вымотала, тварь!

– Попробуй только! Я сама завтра же к участковому Перепелкину пойду и про твои угрозы расскажу! Заявление на тебя напишу, понял? Пусть тебя на пятнадцать суток посадят для начала! Я тебе устрою, без штанов оставлю, я тебя...

Договорить Татьяна не успела, потому что Виктор с размаха припечатал ей рот своей широкой ладонью. Татьяна, широко раскрыв глаза, вырвалась и отскочила, отплевываясь.

– Ну, скотина... – прошептала она. – Завтра же к Перепелкину пойду! Ты у меня точно обо всем пожалеешь!

И она прошла в дальнюю комнату, громко хлопнув за собой дверью. Весь вечер она больше не выходила. Оставшись один, Виктор облегченно вздохнул, лег на диван, закинув руки за голову, и задумался...

Наутро они встали молча и не сказали друг другу ни слова до самого выхода из дома. Виктор ушел первым, не став дожидаться, пока жена попросит подвезти ее до работы. Рано возвращаться он сегодня тоже не собирался. Настроение было таким, что скоро должен наступить конец.

Глава 2

Визит мамы явился совершенной неожиданностью, она не слишком часто баловала своим посещением дом Котовых. И Лариса поначалу испугалась, что случилось что-то неприятное. Приятного и в самом деле было мало, но, в общем-то, все оказалось не так страшно. Как рассказала Нина Андреевна, она на днях получила письмо от своей сестры, в котором та сообщала, что очень плохо себя чувствует и просит приехать Нину Андреевну вместе с Ларисой, чтобы попрощаться. Сколько Лариса помнила Екатерину Андреевну, та всю жизнь болела и каждый год собиралась умирать, поэтому последнее сообщение не сильно ее встревожило. В этом она попыталась убедить и свою мать, но та с ней не согласилась.

– У меня единственная сестра! – категорически заявила она. – А если и впрямь что-то серьезное, я себе потом не прощу! Она пишет про то, что у нее плохие анализы, что кардиограмма тоже показала плохой результат и что вообще врачи намекнули, что нужно готовиться к худшему.

– Что, прямо так и намекнули? – недоверчиво переспросила Лариса. – Вообще-то они о таких вещах не говорят.

– Она пишет, что говорят, – стояла на своем Нина Андреевна. – Они Иринке об этом сказали, а она ей.

– Это она зря! – вдруг встрял Котов. – Не сказала бы – старушка и не собиралась бы на тот свет, и людей бы не баламутила.

– Старушка! – обиженно воскликнула Нина Андреевна. – Она младше меня на два года. А мне всего-то шестьдесят семь.

Евгений промямлил что-то нечленораздельное и закурил.

– Если с таких лет всех в старики записывать... – не могла успокоиться Нина Андреевна. – Если бы ей под восемьдесят было, я еще понимаю...

– Да будет, будет и под восемьдесят еще, – махнул рукой Котов. – Разговоры только одни.

– Да что ж это, с родной сестрой не проститься, что ли? – возмутилась мать Ларисы.

– Ну почему? Если хотите, езжайте. А мы-то тут при чем? – продолжал Котов. – Вон и Ларису возьмите, вместе езжайте, а мы уж с Настей останемся. У меня на работе дел полно, и я сразу скажу, если меня будете агитировать, – я не поеду! Я ее и не знал совсем. Что, притворные соболезнования выражать?

Нина Андреевна обиженно поджала губы:

– Ну, не ожидала я такого... Чтобы на родного человека наплевать было!

Лариса бросила на мужа недовольный взгляд. В конце концов, даже если в его словах и есть какое-то рациональное зерно, мог бы быть и потактичнее. Котов поймал взгляд супруги и сказал:

– Да я не об этом! Я к тому, что вы вот расстраиваетесь только попусту, а на самом деле все в порядке будет, вот посмотрите.

– Ну и что ты решила? – прервала мужа Лариса, обращаясь к матери.

– Как что? Надо ехать... Билеты, правда, покупать. Поезд... Я так плохо переношу поезд, вечно там простываю. Отец вон тоже болеет, не хочет ехать... В общем, ничего хорошего, – махнула рукой Нина Андреевна. – А у нее Иринка замуж вышла, – после паузы вдруг переменила тон мать. – Говорит, адвокат какой-то. Молодой, моложе ее. На два года, правда.

– Сейчас это неудивительно, – снова махнул рукой Котов. – Ничего необычного.

– Ну и когда ты отправляешься? – спросила Лариса.

– Так ты что, тоже со мной не поедешь, что ли? – всплеснула руками мать.

Лариса вздохнула. Ехать проводить тетю Катю, с которой она не виделась много лет, да и вообще встречалась раза три в жизни, ей и вправду не хотелось. К тому же и в самом деле все может обойтись: она же постоянно болеет!

– Ну а Татьяна что? – вдруг схватила за соломинку Лариса, вспомнив про свою старшую сестру.

– А она куда ж поедет? – вытаращила глаза мать. – У нее только учебный год начался, работа... Кто ей отпуск даст? Это вы все сами решаете, ходить вам на работу или нет.

– Ну, я не знаю, – вздохнула Лариса. – У меня хоть и не школа, а тоже дел хватает. Новый сезон скоро начнется, все курортники вернутся, наплыв посетителей, потом вон ярмарка, визиты зарубежных предпринимателей, там могут быть выгодные предложения... В общем, у меня все расписано. И так уже работе мало времени уделяю.

– А это потому, что у тебя костер пионерский в одном месте, – неожиданно брякнул Котов. – Вот ты и мечешься от директора ресторана до частной сыщицы.

– В каком это смысле? – удивилась Нина Андреевна, которая была практически не в курсе криминальных расследований дочери.

– Да так, ерунда, – махнула рукой Лариса, не хотевшая объяснять матери, чем она занимается и почему. – Так ты поездом, что ли, поедешь?

– Я уж теперь и не знаю! Я-то на вас рассчитывала! Поехали бы на машине все вместе, на недельку... Вы бы там отдохнули, икры поели...

– А куда ехать-то? – поинтересовался Котов.

– Как куда? В Астрахань. Будто вы не знаете!

Котов пожал плечами, давая понять, что ему в принципе было неинтересно, где живет тещина сестра, которую он в глаза не видел.

– В Астрахань? – переспросил он. – А что там делать? У нее что там, квартира, дача?

– Квартира, конечно, – кивнула Нина Андреевна. – Там они и живут, с Иринкой и с ее мужем.

– Совсем хорошо! – усмехнулся теперь Котов. – И мы туда еще все нагрянем!

– Так она же зовет! И потом, там трехкомнатная. Я могу с ней вместе, а вы – в отдельной комнате, Иринка со своим у себя. Так что все нормально.

Нина Андреевна не оставляла надежды на то, чтобы уговорить дочь и зятя поехать с нею.

– А днем там что, по головам ходить? Тем более больной человек в доме, сами говорите.

– Господи! Говорю же, днем там есть чем заниматься. Вы вот, Евгений, не выслушаете ничего, перебиваете... Там рыбалка у них отличная, и дача своя, как раз яблоки поспели. И нечего дома торчать. Тем более машина у вас своя, сели да поехали куда захотели.

– То есть вы хотите все-таки на машине? – насутился Котов. – А вы знаете, что там дороги хреновые? И ехать туда – как в Москву, целый день тратить!

– Ну что же теперь? Разок-то можно и потерпеть! – не отставала Нина Андреевна.

– Я сказал – не поеду! – уперся Котов и в знак своей решительности прошел через кухню, направившись к лестнице на третий этаж, в свою комнату.

Нина Андреевна неодобрительно посмотрела вслед зятю. Когда Евгений скрылся из виду, она переключилась на Ларису:

– Ну и пускай не едет. Ты у меня машину хорошо водишь. Не хочет, и не надо. Пусть остается. А мы вдвоем поедem, и больно хорошо будет!

– Мама, но я же тебе сказала – у меня тоже дела! – воскликнула Лариса. – Кто за меня будет все это делать?

– Найдутся, – упрямо возразила мать. – Я к тебе пришла раз в пять лет с просьбой, а ты...

Лариса устало закрыла глаза. Она понимала, что сейчас из уст матери посыплется куча упреков, и справедливых и несправедливых. И она задала себе вопрос: «А надо ли это все?»

Ответ на этот вопрос был однозначен – нет! И, досадуя на то, что все это, как всегда, пришлось не ко времени, стараясь оставаться спокойной, спросила:

– Ну, и когда ты хочешь ехать?

Нина Андреевна растерялась, пожала плечами и пробормотала:

– Я не знаю. Когда тебе-то удобно?

Лариса, по-прежнему пытаясь оставаться спокойной, сказала:

– Мне все равно. Как тебе?

– Собраться надо... Туда-сюда. Послезавтра, наверное...

– Послезавтра в девять утра я за тобой заеду, – подвела итог разговору Лариса.

* * *

Так закончился разговор, не очень приятный и для матери, и для дочери. Прошло два дня, и утром Лариса действительно заехала за матерью. С балкона помахал рукой папа – у него разыгрался радикулит, но выглядел он бодро. Казалось, он был рад, что на неделю остается дома один.

Евгений тоже вроде бы остался доволен тем, как разрулилось дело. Он будет предоставлен самому себе, а это для него было делом немаловажным – с тех пор, как Котов бросил пить, он любил проводить время в одиночестве, за компьютером или за телевизором. И еще его раздражал шум.

А дорога действительно была достаточно изнурительной. Лариса измучилась, потому что постоянно приходилось сбавлять скорость, так как качество дорог в этом направлении оставляло желать лучшего. За окном простиралась унылая степь, в редких населенных пунктах у обочины стояли казашки в национальных платках, предлагавшие проезжающим дыни и арбузы.

– Наверняка ворованные! – неприязненно заметила Нина Андреевна, показывая на казашек. – Вот так вот все разворовали, всю страну разнесли, так вот и живем!

На подъезде к Астрахани «Ауди» чуть было не угодила в аварию. Вернее, можно даже сказать, угодила. Какой-то торопливый водитель на «шестерке» решил обойти машину Ларисы на узкой дороге и в результате посадил ей небольшую вмятину на заднее крыло. Пришлось остановиться и учинять разборку. Из «шестерки» вышел небольшого роста нервный человек, который поначалу вроде бы не выражал никаких агрессивных намерений, напротив, был уверен, что он попался и сейчас из «Ауди» вылезут какие-нибудь недружелюбные дяди с цепями на шее и «отмассируют» его. Но увидев, что он имеет дело с женщиной, едущей в компании с какой-то очень советского вида старушкой, неврастеник осмелел и принялся доказывать Котовой, что она категорически не права, что так никто не ездит, что она должна была освободить полосу...

Лариса осмотрела свою машину. Вмятина – вещь неприятная. Но устраивать разборку с водителем «шестерки», ехать в ГАИ, проходить кучу нудных процедур ей не захотелось. Она попробовала попросить у виновника происшествия денег, на что он просто-таки с местечковой суетливостью закрутился на одном месте, путано и сложно объясняя и рассказывая про свою тяжелую жизнь. Из всего этого словесного нагромождения выходила, однако, простая истина: денег нет и, в общем, черт с ним, он согласен ждать ГАИ.

Тут из машины вылезла Нина Андреевна и принялась обвинять водителя в том, что он пьяница, а когда он посмел ей возразить, то обозвала его «хамом, сволочью и негодяем». Из «шестерки» вылезла жена «хама», крикливая базарная бабенка, и поднялся такой гвалт, что Лариса поспешила, стиснув зубы, сообщить водителю «шестерки», что она не имеет к нему претензий и чтобы он немедленно убирался. Ко всему прочему, машина была застрахована.

Это маленькое происшествие еще раз дало повод Ларисе невзлюбить эту поездку, в которую она отправилась не по своей воле. Нина Андреевна всю дорогу костерила попавшегося водителя, а также всех водителей-мужчин вообще. Лариса не реагировала, утомленная дорогой, и разборками, и общением с мамой.

Наконец, когда они въехали в Астрахань, она облегченно вздохнула: вскоре можно было, как она надеялась, отдохнуть и расслабиться. Правда, пришлось еще добираться до дома Екатерины Андреевны, стандартной, ничем не примечательной пятиэтажки, коих и в Тарасове было полным-полно.

Екатерина Андреевна встретила прибывших со скорбным выражением лица, каким-то обреченным покачиванием головой, словно Лариса с матерью прибыли уже на ее похороны.

– Ну вот, родные мои приехали, – с оттенком причитания воскликнула она.

Потом все же вздохнула, встрепенулась и полезла к сестре и племяннице обниматься. Когда же приветственный порыв схлынул, тетка отстранилась и запричитала:

– Ой, Нина... А я так болею, так болею! Если бы ты только знала, как я болею! И за что такую кару господь посылает?! И врачи ничего не могут, ничего не могут! Деньги только тянут! Уж сколько я им переплатила, а толку все равно нет! Чтобы у них руки поотсохли!

Нина Андреевна, поджав губы, скорбно кивала.

– Ну а в больницу? Там все-таки профессора, наверное, должны быть... Тебя посмотрят... – предложила она.

– Смотрели уж! – махнула рукой Екатерина Андреевна. – Я сама себе диагноз поставила... – Тетка снова запричитала: – Ой, а умирать все равно не хочется, Нина, как не хочется! Вот хоть режь меня – не хочется умирать!

В одной из дверей показались лица молодых людей, Ирины и Романа, дочери и зятя тети Кати. Тетка, метнув взгляд в их сторону, переключила вдруг внимание на Ларису. Она уже забыла про то, что не хочет умирать, и всплеснула руками:

– Ой, а Ларочка-то как хорошо одевается! Пря-амо... ой! Вот познакомься, ты же не видела никогда Иринку, а это Рома, зятек мой, адвокат! – с гордостью добавила она. – Только что недавно аспирантуру закончил, вот...

Роман и Ирина со сдержанными, но вежливыми улыбками поздоровались. Нина Андреевна умильно засияла, поглядывая на племянницу и ее избранника.

– Ой, время-то как летит! – со вздохом покачала она головой. – Я ведь Иринку последний раз совсем девочкой видела, а сейчас такая красавица стала!

– Вы, наверное, отдохнуть хотите с дороги? – приветливо спросила Ирина, и Екатерина Андреевна тут же засуетилась:

– Конечно, конечно! С дороги, устали, бедные! Сейчас пообедаем, и я вас в комнаты проведу, все покажу, расскажу... А уж вечером наговоримся вдоволь.

После обеда Екатерина Андреевна снова принялась рассказывать про свои болячки, а Роман с Ириной повели Ларису в гостевую комнату, сказали, что она в полном ее распоряжении, после чего оставили ее одну. Она с удовольствием опустилась на диван и закрыла глаза, ни о чем не думая. Сестры по-прежнему сидели на кухне и разговаривали. Говорила больше Екатерина Андреевна, до Ларисы даже долетали отдельные фразы. Постепенно, убаюканная ими, она задремала.

– А этот все валяется на диване, – прозвучал голос Екатерины Андреевны, и Роман понял, что это относится к нему.

Роман недовольно поморщился. Он в этот момент действительно лежал на своем любимом диване в их с Ириной комнате и размышлял. Дела его, если честно признаться, были не очень хороши. Аспирантуру он закончил весьма успешно, с чистой совестью мог называться адвокатом, но... не ощущал себя профессионалом в полном смысле слова. А все потому, что

еще не имел в своей практике ни одного успешного дела. И неуспешного тоже. Не довелось ему еще защитить ни одного клиента, потому что их не было, этих клиентов.

Да еще теща постоянно лезла со своими дурацкими советами! «Тебе нужно имя заработать, рекламу себе сделать, тогда к тебе народ валом валить будет!» – частенько говорила она, что выводило Романа из себя. Как его заработаешь, имя, если нет клиентов? На чем делать рекламу? Замкнутый круг получается! Для рекламы нужны клиенты, для клиентов нужна реклама.

Вообще с тещей, как полагал Роман, ему жилось трудно – практически ни дня не обходилось без скандалов. Екатерина Андреевна плюс к своим многочисленным хворям и постоянному нытью обладала на редкость въедливым и язвительным характером и имела неискоренимую привычку совать свой нос во все дела, подчас совершенно ее не касающиеся.

И Роман с Ириной часто были недовольны этим, но терпели, поскольку деваться было некуда – до того, чтобы снимать квартиру и уехать от матери, еще, что называется, не доросла «критическая масса» негатива от совместной жизни. Не доросли и доходы. Но последний предел, как чувствовал Роман, приближался. И тут Екатерина Андреевна захворала...

Мало того, что у нее вдруг обострились старые болячки разом, к ним добавилась новая, и весьма серьезная: начались сильные боли в области печени, от которых Екатерина Андреевна прямо криком кричала, и пришлось ее поместить в больницу. Врачи поставили диагноз – камни в печени – и предложили оперативное лечение. Екатерину Андреевну никоим образом не устроили ни диагноз, ни рекомендуемый метод лечения. Она вбила себе в голову, что у нее рак печени, что печень ей врачи вообще хотят удалить, чтобы метастазы не пошли дальше, а еще до крайности боялась, что операции не перенесет.

– Мама, ну как же можно удалить печень? – восклицала Ирина, слушая, как заливаются слезами мать. – Человек же не сможет без нее жить, он просто умрет!

– Вот они и хотят, чтобы я умерла, – стояла на своем Екатерина Андреевна, имея в виду врачей. – Умные какие! Они потом спишут на больное сердце, а меня уже не будет.

Ирина и Роман только вздыхали, но переубедить старушку было невозможно. Промучившись в больнице около месяца, изведя мнимыми подозрениями и себя и врачей, Екатерина Андреевна запросилась домой. А когда ее выписали, заявила, что очень скоро умрет. Практически каждый день она говорила об этом: то со скорбным видом, то с каким-то мазохистским удовольствием, расписывая, как молодым будет хорошо без нее.

– Вдвоем будете жить, сами себе хозяева... Красота! – говорила она, качая головой. – А обо мне не беспокойтесь, я уж свое пожила! Похороните меня с отцом рядом... Могилку только навещайте хоть раз в год...

Таких разговоров чаще всего не выдерживала Ирина, она вскакивала и с плачем убегала к себе в комнату. Екатерина Андреевна, беспокойно поводя глазами, обращалась за поддержкой к зятю:

– И чего плачет, глупая? Все равно когда-то умирать нужно...

В другой раз настроение ее было иным, и она принималась с плачем и стоном причитать, как же Ирина с Романом останутся без нее да как же она сама умрет, когда еще столько всего хотелось сделать да повидать, и вон мать их с Ниной восемьдесят с лишним лет прожила, а она и до семидесяти не дотянет.

Тут уже не выдерживал Роман и напускался на тещу:

– Екатерина Андреевна, вы что, нарочно нас изводите? Зачем издеваетесь над Ириной, на ней уже лица нет от ваших пророчеств!

– Батюшки! Да кого это я извожу? – всплескивала руками Екатерина Андреевна. – Говорю просто, делюсь с вами...

– Нечем тут делиться! Вы сами себе вбиваете в голову всякую чушь, а мы потом из строя выходим!

– Господи! – Екатерина Андреевна в таких случаях обиженно поджимала губы. – Прямо слова не дадут сказать матери напоследок! Погодите, вот помру скоро, недолго осталось, тогда и отдохнете!

И она с мокрыми глазами скрывалась в своей комнате, запиралась на ключ. Долго она, правда, не выдерживала, вылезала к молодым, и все разговоры насчет скорой смерти возобновлялись.

Так они жили уже с полгода, и вот Екатерина Андреевна, видимо, начала страдать от недостатка публики и послала слезное письмо своей сестре, о чем гордо сообщила вечером Ирине и Роману.

– Ну и зачем срывать с места тетю Нину? – спросила Ирина. – Да еще вместе с Ларисой? Та, я слышала, занята по горло. Да она и не поедет, вот увидишь!

– Как это не поедет? – не поверила Екатерина Андреевна. – Я их всех пригласила – и Нину, и Витю, и Ларочку с дочкой и с мужем... А чего? И так ни разу у нас не были, с тех пор как мы в Астрахань переехали.

– Не знаю, – пожал плечами Роман. – Не думаю, что это удачная затея. К тому же я согласен с Ириной – вряд ли они приедут всем скопом.

– А чего? Отдохнут, на Волгу съездят...

– У них и самих Волга, а у нас все-таки не курорт, – ответил Роман, чем окончательно обидел Екатерину Андреевну, которая удалилась в свою комнату.

– Ну что ж, – после паузы сказала Ирина. – Если они и приедут, в этом не будет ничего плохого. Я только боюсь, что они из-за своих дел не смогут вырваться, а мама потом будет еще полгода сокрушаться.

– Вот и я о том же, – допивая чай, вздохнул Роман и обнял жену. – Ладно, пойдем к себе.

* * *

Но они все-таки приехали, правда, не в том составе, на который рассчитывала Екатерина Андреевна. Но главное, что приехали Лариса с матерью, остальные были для старушки не так уж и важны. На Ларочкину дочь, конечно, хотелось бы посмотреть, но раз уж нет, так нет... Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. А вот не заболела бы – еще бы лет десять не выбрались!

Екатерина Андреевна, переполненная впечатлениями от встречи, сидела на кухне с сестрой и рассказывала ей о подробностях своих заболеваний, домашних заботах и отношениях между дочерью и зятем. Нина Андреевна в свою очередь говорила о себе и своих детях. Порой женщины начинали говорить одновременно и, казалось, совершенно не слышали при этом друг друга. Роман с Ириной, обрадованные, что Екатерине Андреевне есть на ком оттачивать свое красноречие, уединились в своей комнате. Примерно через час Роман, услышав из-за стены замечания тещи в свой адрес, недовольно поморщился и встал, решив отправиться на балкон покурить. Когда он вышел из комнаты, то увидел стоявшую в коридоре Ларису. Она уже отдохнула и вышла из комнаты для гостей.

– О, вы собрались покурить? – заметив в руках Романа сигарету, сказала она. – А я как раз собиралась сделать то же, только не знала, где можно. Вы позволите составить вам компанию?

– Да, разумеется, – с готовностью кивнул Роман, провожая Ларису в третью, самую большую комнату, где и располагался балкон.

Курить теща разрешала только там или в крайнем случае на кухне. Но балкон находился в ее комнате, и Роман старался туда не заходить, чтобы лишний раз не встречаться с тещей, и чаще курил на кухне. Но сейчас она была занята, поэтому в качестве курилки был выбран балкон.

– Ну как вам у нас? – поднося Ларисе зажигалку, задал Роман дежурный вопрос.

– Нормально, – так же дежурно ответила Лариса и добавила: – Вид с балкона красивый. Волгу видно.

– Да, – оживился Роман. – Это действительно преимущество данного дома.

– Давно здесь живете? – спросила Лариса.

– Да уже почти год.

– И как? Уживаетесь с тещей?

– Да по-разному... – вздохнул Роман. – Всякое бывает.

– Я вот что хотела спросить. Она действительно так серьезно больна, как написала?

– Да как вам сказать... – замялся сначала Роман, но тут же стал рассказывать.

Он поведал Ларисе о том, как заварилась кутерьма с заболеванием тещи, рассказал, как она лежала в больнице, как выписалась и собралась умирать, как вела себя с ними и как хотела увидеть родственников.

Незаметно он сбился на личные проблемы и стал говорить уже о том, сколько хлопот доставляет совместная жизнь с представителями старшего поколения. А Екатерина Андреевна современной старушкой не была никак. Она любила, чтобы все было «как положено», чтобы соблюдались семейные традиции и все в том же духе. При этом она постоянно давала советы дочери и зятю, как им следует жить, как себя вести и чем заниматься.

Страдая еще и болезненным любопытством, она любила, чтобы за ужином молодые рассказывали ей обо всем, что между ними происходит, а уж если, не дай бог, ей доводилось заметить какой-то намек на ссору, можно было не сомневаться – разборки и выяснений относительно того, кто это затеял и почему, с лихвой хватало на весь вечер. Ирина, правда, днем была на работе, и тогда теща цеплялась к Роману, выведывая, какие планы у них с Ириной на будущее и почему они до сих пор не думают о детях.

– В общем, живем мы весело, – подытожил свой рассказ Роман.

Лариса понимающе вздохнула. Хотя что ей – о совместной жизни с родителями она и думать забыла. Уже более десяти лет она жила вместе с мужем в собственной квартире, и проблемы Романа с Ириной были ей теперь не очень близки. Но, пообщавшись с мамой вплотную последние два дня, она поняла Романа. Уж если за два дня старшее поколение может достать, нетрудно представить, каково жить с ним постоянно.

Когда Лариса и Роман вернулись с балкона, кухня уже опустела, а Екатерина Андреевна вместе с сестрой переместились в комнату хозяйки квартиры и смотрели сериал. За окном было тихо и солнечно, как и положено в сентябре. И ничего не предвещало каких-либо экстраординарных ситуаций.

Ларисе, кстати, понравилось гостить у тети, за исключением, конечно, связанных с нею самой некоторых неудобств и сварливости присутствовавшей рядом мамы. Тут было тихо, не отвлекали звонки, не было слышно скрипучего голоса администратора Степаныча над ухом, мужа Евгения с его время от времени возникавшими заскоками и вздорностью. Словом, имел место некий психологический антракт. Хотя бы в виде смены обстановки и иллюзии удаленности от рутинного существования в четырех знакомых стенах и осточертевшего окружающего социума.

Тишину нарушил звонок в дверь. Естественно, Лариса осталась сидеть в кресле – не она же здесь хозяйка. Роман с Ириной тоже не проявили инициативы. В ответ на немой взгляд Ларисы двоюродная сестра махнула рукой:

– Это, наверное, к маме одна из соседок пришла. Каждый день ходят – то за тем, то за другим! А придут – метлой не выгонишь, как заведутся трещать обо всем на свете, хорошо, если через час уgomонятся.

– Ага, когда все темы переберут, – поддержал жену Роман. – Чего только не наслушаешься. А одна так вообще такую ерунду гонит, что аж противно, – якобы Алсу выходит замуж за Иосифа Кобзона, а она сама есть внебрачная дочь Хулио Иглесиаса.

– Чего-чего? – оторопело вытаращила глаза Лариса.

– Вот так у нас здесь развлекаются, – спокойно ответила Ирина. – Сериалов насмотрятся, и фантазии так и прут.

Последующие события подтвердили догадки Ирины с Романом. Вместо голосов различных Фернандо, Альберто и Мауриньо в соседней комнате засолировал женский альт, явно не походивший по манере разговора на переводчика бразильских сериалов.

Женщина экспансивно что-то вещала, и ее монолог прервался только два раза изумленными ахами Нины и Екатерины Андреевны.

– Батюшки мои, да что ж это такое?

– И что дальше?

– Ну а дальше что... Дальше...

И женский голос продолжал монолог. Лариса не прислушивалась. Она тихо сидела в кресле и предавалась мечтам о том, как они завтра с Романом и Ириной поедут на дачу, как будут кататься на катере, не слушая причитаний матери и тетки. Но тут дверь распахнулась, и на пороге возникла Екатерина Андреевна.

– Рома, Рома! – закричала она. – Послушай, чего у нас происходит-то! Прямо с ума сойти можно! Татьяна исчезла!

– Какая Татьяна? – машинально спросил Роман, хотя ему это совершенно не было интересно.

– Да как какая? – всплеснула руками теща. – Соседка наша, из второго подъезда! Второй день уж дома нет! Все на ушах стоят! Ты, Рома, скорей беги да разберись! Я так думаю, что это как раз по твоей части!

– Стоп, стоп! – охладил пыл тещи Роман. – Куда бежать? Зачем? Почему по моей части?

– А как же! Ты же на адвоката учился! – с непробиваемой логикой объяснила та.

– А при чем тут адвокаты? Кого нужно защищать?

– Да не защищать! А Татьяну искать! Может, с ней случилось чего?

– Это милиция пускай ищет, – вяло отмахнулся Роман. – Я-то здесь при чем? Пускай вызывают милицию... хотя еще рано. Насколько я знаю, по прошествии трех дней, если пропавшая не появится, родственники должны заявить об исчезновении человека. Все.

– Да что сейчас может милиция-то? – презрительно махнула рукой Екатерина Андреевна. – Ты с этим делом лучше справишься, и не сомневайся!

– Не сомневаюсь, – усмехнулся Роман. – Я сомневаюсь, что мне кто-нибудь за это заплатит. Меня же никто не нанимал. И кого защищать-то, неизвестно.

– Ну как кого... – растерянно огляделась Екатерина Андреевна. – Не знаю кого, это тебе лучше знать! – отмахнулась она. – А вот упустишь это дело, потом будешь локотки кусать! А другой уж без тебя разберется.

– Вот и пускай разбирается, – отрезал Роман.

Екатерина Андреевна, крайне недовольная поведением зятя, с треском захлопнула дверь. Роман повернулся к жене с Ларисой, разведя руками:

– Что вы можете сказать, а? Какая-то женщина пропала, и это, оказывается, по моей части!

– Это скорее по моей, – усмехнулась Лариса. – Только я этим заниматься не буду.

– Как это – по твоей? – удивилась Ирина.

– Ну, так... – улыбнулась Лариса и кратко поведала двоюродной сестре о своих приключениях на поприще частного сыска в родном городе.

Ее рассказ привел Ирину с Романом в восторг.

– И неужели всегда без сучка без задоринки? – подивился Роман.

– Ну почему же? И у бандитов в заложницах была, и машину взорвали один раз, и по голове получала...

– И не страшно тебе? – поежилась Ирина. – Так ведь и убить могут!

– Бывает и страшно, но все равно интересно. Порой думаешь – все, хватит, больше нигде! А потом снова захватывает, – призналась Лариса. – Скучно все-таки. Ресторан, муж... Одно и то же.

– Скучно! – воскликнула Ирина. – Да я бы из-за границы не вылезала, будь у меня такое положение! Весь мир объехать можно!

– Ну, денег у меня не так и много, как тебе может показаться, – возразила Лариса. – И потом, иногда на частном сыске зарабатываешь, и неплохо. Больше, чем доход от ресторана. Так что тут ты не совсем права.

Ирину эти доводы не убедили, и она продолжила активно возражать Ларисе. Галдеж за дверью тем не менее не утихал, видимо, соседка рассказывала новые подробности и вносила предложения по розыску. Правда, немного спустя все несколько стихло, а через некоторое время все услышали незнакомый громкий голос:

– Алло! Это милиция? У нас тут человек пропал! Да-да, пропал! Второй день дома нет! Я кто? Соседка!.. Почему соседка? Потому что больше не надо никому... А вы не об этом спрашивайте, вы лучше адрес записывайте!

Роман подскочил на стуле и кинулся к двери. Лариса с Ириной поспешили за ним. В коридоре возле телефонного аппарата стояла солидных габаритов тетка в стеганом халате и накинутой поверх него телогрейке и предъявляла в трубку свои претензии, а Екатерина и Нина Андреевны притулились рядом, но лица у обеих были такими, словно они исполняют свой священный долг.

– Я все равно этого так не оставлю! – категорически заявила тетка в телогрейке. – Сама к вам приеду, прямо к начальству вашему! Так что лучше будет, если вы сами сюда явитесь!

И она гордо грохнула трубку на рычаг.

– Вот так! – довольно повернувшись к собравшимся, заявила она. – Приедут как миленькие, никуда не денутся!

– Вы что?! – напустился сразу на всех трех теток Роман. – С ума сошли? Вы что делаете? Зачем вам это нужно?

– Это вам, молодым, ничего не нужно! – заявила соседка. – Пропал человек, а вам и дела нету!

– Да куда пропал-то? Откуда вы знаете? Может быть, она просто уехала по своим делам!

– Никуда она не уехала! У нее и дел-то нет никаких! – победно заявила тетка. – А Витька, между прочим, сам говорил, что она ушла и теперь не вернется! Вот так!

– Ну вот видите! А вы говорите, пропала...

– Да, пропала! – перебила Романа соседка. – Потому что некуда ей идти, а Витька-то... – Она понизила голос. – Я сама слышала, что он ее убить грозился! И как раз за день до этого!

– До чего до этого? – устало спросил Роман.

– До того, как она пропала!

– Но вы понимаете, что это просто глупо – вызывать милицию в такой ситуации? Они же даже не приедут, вот посмотрите!

– Приедут! – убежденно стояла на своем соседка. – Пусть только попробуют не приехать! Если что, я еще позвоню! Подключу Антонину Степановну из сорок пятой квартиры, они ее все боятся!

– Послушайте, а зачем вам это надо? – неприязненно спросил Роман.

– Как зачем? – всплеснула руками соседка. – Ты прямо как глупый человек рассуждаешь! А если бы тебя убили?

– Да уж, – усмехнулся Батурин. – Тогда бы мне уж точно ничего не надо было.

– Это тебе не надо, а людям все надо, – назидательно произнесла Екатерина Андреевна.

– Вот вас милиция возьмет и самих упечет, – с каким-то злорадством усмехнулся Роман. – За ложные показания.

– Не упечет! – упрямо возразила деятельная соседка. – Антонину Степановну-то не упекли! А она их восемь раз вызывала!

Роман только вздохнул. Лариса, которая все это время стояла задумавшись, взяла его за рукав и отвела в сторону.

– Слушайте, а это может оказаться вам на руку. Вызов милиции, я имею в виду. Вдруг этот муж захочет воспользоваться услугами адвоката?

– Да бросьте вы! – отмахнулся Роман. – Ничего там нет. И быть не может. Обычные семейные дела. Разрулятся наверняка, не сегодня, так завтра. И что, идти к нему и самому предлагать, дураком выглядеть?

Аргументы Романа в принципе представлялись разумными. Действительно, может быть, ничего криминального в исчезновении женщины и нет и ее мужу совсем не нужны услуги адвоката. Ну а если все по-другому...

– Роман, – сказала она. – Если там просто семейные дела, ничто не помешает вам просто извиниться и уйти. И совсем вы не будете при этом, поверьте, выглядеть дураком. Весь дом же кричит про криминал, вот вы и пришли разобраться. Сходите действительно, а то так можно очень долго ждать начала адвокатской практики.

Похоже, Ларисе удалось убедить своего нового родственника. Роман еще немного потоптался на месте, но неожиданно повернулся к Ларисе:

– А может быть, вы пойдете со мной?

– Я? – удивилась Лариса. – А я-то с какой стати?

– Ну, вы... Все-таки у вас опыт. И потом, мне кажется, что, увидев вас, ее муж охотнее пойдет на контакт. Просто поприсутствуете в качестве привлекательной женщины, – с улыбкой закончил Батурин.

Лариса тоже улыбнулась, пожала плечами.

* * *

Сентябрь уже активно вступал в свои права, даже слишком активно для первого осеннего месяца, и Лариса замерзла в одной блузке, даже идя до соседнего подъезда. Роман тоже поеживался, поскольку сгоряча выскочил на улицу, не накинув куртки.

Они специально поднялись пешком, выискивая квартиру под номером сорок один. Оказалось, она на третьем этаже и оборудована железной дверью. Это уже некий показатель, и Лариса сделала вывод, что доход семьи Прошаковых был достаточно высоким.

Поколебавшись еще некоторое время и переглянувшись с Романом, Лариса позвонила. На звонок открыл довольно симпатичный мужчина лет тридцати трех, в домашней толстовке и спортивных брюках. У него были темно-каштановые, коротко стриженные волосы и серые глаза. Роман вспомнил, что не раз сталкивался с ним во дворе, но никогда не здоровался – они не были знакомы. Теперь, естественно, ему пришлось это сделать.

– Добрый день, – поприветствовал мужчину Роман. – Вас, кажется, Виктором зовут?

– Ну, Виктором, – подтвердил мужчина. – А у вас, наверное, машина сломалась?

Тут Роман вспомнил, что Виктор занимается каким-то автобизнесом – у него было несколько точек, торгующих запчастями, кроме того, станция техобслуживания, а его собственный гараж во дворе частенько бывает открыт, и Виктора можно застать там колдующим над сломанным карбюратором, принадлежащим кому-нибудь из соседей, – все знали, что Витя отличный механик. Он не отказывал никому – даже несмотря на то что был директором фирмы. Он считал, во-первых, что дополнительный заработок никогда не мешает, а во-вторых, ему это просто нравилось – копать в железах.

Роману, однако, ни разу не доводилось обращаться к нему по поводу машины, хотя он слышал, что у парня золотые руки.

– Да нет, мы к вам по другому вопросу. Насчет вашей жены, – начала Лариса.

– А что насчет жены? – насторожился Виктор.

– Но ведь она, кажется, пропала?

– Ну, пропала и пропала, это ее проблемы, – уже невозмутимо ответил Виктор.

– И вы так спокойно на это реагируете? – удивилась Лариса.

– А что мне еще делать?

– Вы в милицию обращаться собираетесь? – сухо спросил Роман.

– Нет. Она сама ушла, чего ее искать?

– То есть она вас предупредила, что уйдет? – уточнила Лариса.

– Да как она могла предупредить, если мы разругались? Она даже разговаривать со мной не захотела, дура! Вот ведь характер тяжелый! – раздраженно проговорил Виктор. Потом, смутившись, сказал: – Знаете что, лучше пройдите, что ли, в комнату! А то мы тут, на лестнице, о таких вещах толкуем... Я же понимаю, что вы неспроста ко мне пришли. Весь дом, поди, уши прожужжал: «Жена пропала, а он и ухом не ведет!» Они же не знают, что на самом-то деле случилось!

– А что случилось на самом деле? – спросила Лариса.

– Проходите, – вместо ответа сказал Виктор и провел Романа с Ларисой в комнату.

Она была обставлена добротной, удобной мебелью, но без показной роскоши. Роман с Ларисой сели в предложенные кресла, сам Виктор прилег на диван и закурил.

– Курите, если хотите, – сказал он обоим. – Вас, кажется, зовут Романом?

– Да, – кивнул Батулин, доставая сигареты.

– А вас? – Прошаков посмотрел на Котову.

– Лариса. – Она тоже не стала называть своего отчества, хотя и была старшей среди собравшихся.

Щелкнув зажигалкой и закулив, она спросила:

– Ну так что произошло у вас с женой в тот день? И, кстати, какое это было число?

Прошаков, конечно, мог и не отвечать. Он вообще мог не разговаривать ни с Ларисой, ни с Романом, но он не стал отнекиваться и даже пояснил:

– Мне скрывать нечего, поэтому хочу вам все объяснить, чтобы потом ко мне вопросов не возникало. А вы уж, если сможете, убедите беспокойный дом, что все в порядке, договорились?.. Случилось все восемнадцатого сентября. То есть позавчера. Что произошло?.. Да обычная история: из-за денег разругались. Слово за слово – и пошло-поехало. Да мне эти сцены давно знакомы. Только на этот раз она уж что-то слишком громко орала.

– Что значит – из-за денег? – уточнил Роман.

– Да Танька постоянно ворчала, будто я мало денег ей даю. Хотя одета она лучше всех у себя на работе, даже шубу норковую ей купил.

– А где она работает?

– В фирме одной, «Ваша книга» называется. Они там справочники всякие составляют, медицинские в основном. Получает, нужно сказать, мало и постоянно ноет по этому поводу. Так я же ее не упрекаю, что она, в сущности, на моей шее сидит! Все ей покупаю, что ни попросит, но в последнее время у нее уж слишком аппетит разыгрался. У меня отродясь таких денег не было, какие она затребовала.

– А на что ей нужны были деньги? – спросила Лариса.

– Дело свое открывать задумала! – фыркнул Виктор. – Тоже мне бизнес-вумен! Я понимаю, конечно, что ей скучно в этой «Вашей книге», вот и сходит с ума. Но дать ей денег – все равно что просто выбросить их на ветер! Тем более что у меня их и нет, – оговорился он. – Слушайте, а давайте выпьем, что ли? Чего так-то сидеть?

Он прошел к бару и достал оттуда бутылку коньяка с рюмками. Пока что никаких вопросов относительно того, какого, собственно, черта к нему явились, по сути, незнакомые люди, от Виктора не поступало. И Лариса решила продолжить ненавязчивое общение, посвященное в основном выяснению общих сведений о новом знакомом.

– А вы чем занимаетесь? – спросила она. – Где работаете?

– На станции техобслуживания, – охотно ответил Виктор, заедая коньяк лимоном. – С другом одним вместе четыре года назад организовали, дело пошло. Мастеров наняли, сейчас сами под машинами не лежим, следим только, чтобы все в порядке было. Друг, правда, сейчас отделился, магазин открыл. А я продолжаю...

– А вот Роман говорил, что вы и машины сами чините, – кивнула Лариса на Батурина.

– Чиню, если попросят, – согласился Прошаков. – Но это помимо работы, здесь уже, у себя в гараже. Дополнительный заработок, да и нравится мне, если честно. Не хочется навыки терять.

– А как вы жили с женой? В смысле, каковы были ваши отношения к данному моменту? – продолжала Лариса.

Прошаков развел руками и со вздохом ответил:

– Да, можно сказать, никакие. Вернее, партнерские. Я ее содержу – она мне поесть готовит, стирает, убирает. Вот и все.

– То есть никаких чувств между вами не осталось?

– Какие чувства? – изумился Виктор. – Да я же видел, что ей от меня только деньги нужны... Хотя когда-то любила... – Взгляд его потускнел и наполнился грустью. – А теперь совсем мегерой стала. Стервой просто. Вы извините, – спохватился он, – сейчас подумаете, что я на нее наговариваю, да еще в такой момент... Но она сама затеяла этот скандал, я же видел, что она прямо из кожи вон лезет, чтобы поругаться! Давайте еще разок...

Он снова разлил коньяк и, не дожидаясь остальных, выпил.

– Нет, но вообще она, конечно, стерва, – уже по своей инициативе продолжал рассказывать Виктор – видимо, сработал упомянутый Романом мотив, и Виктор реагировал на привлекательную женщину, обращаясь к ней за поддержкой и сочувствием. – Вот смотрите – она сама постоянно хочет со мной ругаться. Я не хочу, а она из кожи вон лезет! Вот и позавчера разоралась, что не будет со мной жить, если я не дам денег. Это она меня так шантажировала! Я и сказал: ну и катись к чертовой матери! Уж пожрать приготовить или рубашку постирать я и сам смогу! Или найду кого другого, получше тебя. Помоложе, во всяком случае. Она, конечно, не ожидала такого. Спать легла в другой комнате, а утром на работу ушла, как обычно, а вечером не вернулась. Ну, думаю, добилась своего – ждет теперь небось, что я сам прибегу к ней мириться и еще прощения просить!

– А вы не побежите? – усмехнулась Лариса.

– Нет, конечно, – так, словно это было само собой разумеющимся, сказал Виктор. – Да я и не знаю – куда.

– А где она может быть?

– Да у кого-нибудь из подруг наверняка! Родителей-то у нее нет, умерли.

– А на работу вы ей звонили?

– Нет. А зачем? Я человек гордый, первый мириться не пойду, особенно если вины за собой не чувствую. А я ни в чем не виноват!

Виктор вдруг подозрительно посмотрел на визитеров и понял, что забыл задать самые главные вопросы: зачем, собственно, эти двое пришли и что им надо?

– Подождите, так вам Татьяна, что ли, нужна? – спросил он хмуро.

Роман вздохнул и сообщил, что он вообще-то адвокат, и кивнул на Ларису, сказав, что она – его родственница из Тарасова, частный детектив, и если появятся какие-то проблемы, то можно обращаться.

Виктор снисходительно усмехнулся.

– Ну зачем? – развел он руками. – Ничего пока такого не произошло. Я просто думал, машина у вас сломалась или еще чего. А может, думаю, по-соседски зашли, а заодно полюбопытствовать, что у нас с женой произошло. Ведь вроде живем рядом, а не общаемся. А насчет Татьяны... – Прошаков выдержал паузу, а потом махнул рукой. – Да все равно мне, если честно. Вернется – не вернется, все равно, – повторил он. – Потом он еще раз усмехнулся и покачал головой. – Вот бабки, а! Вот тетки неугомонные! Это они, что ли, вас настропалили? Дуры, блин... Делать не фига, они за другими подсматривают во все щели, собаки чертовы! А с Танькой ничего не случилось. Так что зря вы свои вопросы задаете – ни адвокат, ни частный детектив мне пока не нужен. И надеюсь, что вообще не понадобятся.

– Понятно, – протянул Роман, стараясь, чтобы в голосе его не было слышно разочарования.

– Вот ведь... – осекся Виктор на полуслове, и Роман с Ларисой поняли, что он хотел наградить очередным лестным эпитетом соседок, которые во все суют свой нос. – Ну, в общем, так – я никого нанимать не буду. Знаю, что ты адвокат, но я в его услугах не нуждаюсь. Если с машиной что у вас – милости прошу. А Танька – она вернется со дня на день, поняв, что я сам не приду. Куда ей от меня деваться? Жить-то негде, да и зарплаты ее ни на что не хватит. Хотя, по мне, лучше бы не возвращалась! Спокойно зажил бы.

– А почему в таком случае вы не разведетесь? – спросила Лариса. – Раз вам так тяжело жить вместе? Зачем вам эти постоянные скандалы?

– Да я давно хотел, – вздохнул он. – Только... Мне ее, знаете, все же жалко, хоть она и стерва. Ну как она будет жить на такую зарплату? А, ладно! – Он махнул рукой. – Время покажет, что будет дальше.

И Виктор снова закурил, после чего шелкнул пультом, включая телевизор и давая понять Роману с Ларисой, что разговор окончен, поскольку лимит гостеприимства явно исчерпан.

* * *

Участковый дядя Гриша Перепелкин с утра мучился от абстинентного синдрома. Проще говоря, болел с похмелья. И обходить свой участок, следя за тем, чтобы на нем все было в порядке, ему совершенно не хотелось, потому что сам дядя Гриша ощущал себя совсем не в порядке. С утра лежал на диване, а на голове его красовался большой капустный лист, положенный заботливой рукой его жены.

– Гриш, – сунулась в комнату сама Варвара Семеновна. – Может, рассольчику?

– Ох, да сколько ж можно его хлебать, рассольчик этот?! – простонал дядя Гриша. – Видишь же – не помогает!

– Ну давай я тебе бульончику куриного налью – может, полегчает?

– Не надо, – отказался муж.

Жена подсела рядом и стала гладить его по больной голове прямо через капустный лист. Дядя Гриша поморщился, но ничего не сказал.

– Гриш, ну давай я тебя поцелую, – предложила жалостливая жена.

– Ну поцелуй, – обреченно согласился дядя Гриша, а про себя подумал: «Может, вырвет!»

Это он вспомнил анекдот, услышанный вчера на вечеринке, посвященной дню рождения лейтенанта Сучкова, над которым долго хохотал. После этого он вспомнил, сколько на этом дне рождения было выпито, как он танцевал краковяк на пару с Сучковым, а также вспомнил, что дальше он ничего не помнит.

Стойко выдержав смачный поцелуй супруги, дядя Гриша почувствовал, как боль просто запульсировала в его бедной голове, растекаясь по всему телу...

– О-о-о! – застонал он, раскачиваясь из стороны в сторону.

Жена испуганно отпрыгнула в сторону.

– Гриш, ну давай я... – робко начала она.

– Да пошла ты! – неожиданно заорал дядя Гриша. – Не видишь, без тебя тошно!

Выражение лица Варвары Семеновны моментально сменилось на ненавидящее. От бывшего сочувствия не осталось и следа.

– Ах ты, алкоголик чертов! – прошипела она. – Нечего было нажираться вчера как свинья, сегодня бы и не болело ничего! Еще и оскорбляет, алкаш! Сегодня же напишу жалобу тебе на работу, что ты службу прогуливаешь!

С этими словами она круто развернулась и вышла из комнаты, громко хлопнув дверью, и демонстративно начала греметь в кухне посудой, да погромче. Каждый удар отзывался в висках участкового Перепелкина тяжелой болью, словно по голове его колотили кувалдой.

– Тьфу! – послал вдогонку жене дядя Гриша увесистый плевок и перевернулся на другой бок.

Облегчения это не принесло, и он, кряхтя и охая, стал подниматься с постели, ворча:

– Эх и дура! Ну и дура! Угораздило же жениться на такой дуре!

Он хотел уже было пройти на кухню и попить водички, как на пути его настиг телефонный звонок. Дядя Гриша сдернул трубку.

– Да! – рявкнул он.

– Перепелкин? Привет, привет... Слушай, что у тебя за дела на участке творятся? – услышал он голос майора Абакумова из районного УВД.

– А что такое? – удивился дядя Гриша, перебирая в голове неприятные инциденты, произошедшие в последнее время в его ведомстве.

– Говорят, женщина пропала, а муж ее спокойный ходит... Версии даже есть, что он ее... того. Грохнул, в смысле. К нам уже сигнал поступил, а ты что же сидишь, Перепелкин?

– Кто грохнул? – не понял дядя Гриша. – У меня такого на участке не было.

– В сорок первой квартире кто у тебя живет? В пятнадцатом доме?

– В сорок первой? – Дядя Гриша напряг память. – Ну, семья одна, Прошаковы, муж и жена.

– Так вот эта самая жена и пропала. Плохо свой участок знаешь, Перепелкин! – строго продолжал Абакумов. – В общем, так. Собирайся и сходи узнай, что там у них произошло. Потом доложишь. Все, исполняй!

В голосе зазвучали металлические нотки, и связь отключилась.

– Тьфу ты! – сплюнул дядя Гриша и повесил трубку.

Только этого еще не хватало! Танька пропала? Куда эта стервица могла подеваться? Небось хвостом крутанула да завихрилась куда-нибудь, свиристелка! А ему теперь разбирайся! Главное, наверняка эти клуши подъездные панику подняли, кто же еще? Неймется им! Фильмов всяких насмотрятся – и давай шум поднимать! У самих-то жизнь скучная. Надо же, в милицию додумались позвонить, дуры! А Абакумову, конечно, не до их звонков. Делать ему больше нечего, как без заявления каким-то левым делом заниматься! На это Перепелкин есть! Все на Перепелкина!

И главное, нету там ничего серьезного, вот что обидно! Уж кому знать Таньку Прошакову, как не ему! Пропала! Совсем бы провалилась, будь она неладна!

Так думал дядя Гриша, стоя в ванной с бритвенным прибором в руках. Нужно было хотя бы побриться перед выходом из дома, хоть как-то привести себя в порядок. Как на грех, жена куда-то задевала мыло, и дядя Гриша еще раз помянул ее недобрым словом. Найдя мыло на полке и наконец добрившись, он вышел из ванной и снова направился в свою комнату.

Не переставая расточать нелестные эпитеты в адрес своей половины, Перепелкин с трудом натянул форменные брюки и рубашку, пиджак, а на больную голову, содрав с раздражением вялый капустный лист, водрузил фуражку.

Протопав в коридор, он начал обуваться. Варвара Семеновна выглянула из кухни.

– Куда это намылился? – подозрительно спросила она.

– На службу! – рявкнул, не поворачиваясь, дядя Гриша, у которого в этот момент никак не развязывался шнурок на ботинке, который он еще вчера был не в состоянии развязать.

– Знаем мы твою службу! – противореча сама себе, поджала губы Варвара Семеновна. – Опять похмеляться идешь, алкоголик! Опять с Сучковым своим водку жрать! Вот напишу на вас обоих жалобу...

– Черт, еще шнурок этот! – взвился дядя Гриша, не слушая жену.

Дернув еще раз изо всех сил, он оторвал кусок шнурка и с удивлением рассматривал его жалкий обрывок, вертел в руках, потом повернулся к жене и с вытаращенными глазами заорал:

– А все ты, дура, под руку лезешь!

– Да я разве что... – начала жена, но дядя Гриша, швырнув в сторону кухни обрывок шнурка, в одном ботинке прошел в гостиную и рванул на себя ящик шкафа, где лежали всякие нужные хозяйственные мелочи.

Выбрав подходящий по цвету шнурок, он выдернул из ботинка остатки прежнего, вставил новый, обулся наконец как положено и, тяжело вздохнув, вышел из квартиры. Варвара Семеновна на этот раз даже не выглянула из кухни.

Старший лейтенант Перепелкин, очутившись на улице, поежился от вечернего холодка и пошел грузной походкой по двору. Путь его лежал в соседний двор, к Виктору Прошакову. Счастье еще лейтенантское, что пройти ему нужно было всего ничего. Однако и этого хватило, чтобы настроение Григория Петровича совсем испортилось. Погода была солнечной, хотя и прохладной, но почему-то это раздражило старшего лейтенанта еще больше.

Он проклинал всех баб вместе взятых. Сначала жену, эту дуру старую, потом теток дворовых неугомонных... Делать, что ли, бабам нечего, кроме как мужиков от дела отвлекать?

Как бы было хорошо сейчас заглянуть к Сучкову, перекинуться с ним в шахматишки партеечку-другую... Кстати, у него и водочка должна остаться после вчерашнего, не такой человек Сучков, чтобы сразу все растранижировать, он запасливый... Вот бы сейчас и опохмелиться заодно, согреться... А вместо этого нужно тащиться к Витьке Прошакову, лезть в его частную, можно сказать, жизнь! Тьфу! Главное, Витька-то мужик нормальный, и к нему участковый относится хорошо... Бизнесом занимается. Звезд с неба не хватает, но живет зажиточно. С бандитами вроде не связан. Сколько раз вон машину дяде Грише чинил, никогда лишних денег не брал. А теперь из-за этих дур отношения с ним портить... Э-э-эх! Провались бы они совсем!

Дядя Гриша пересек двор и поднялся на этаж в Витькину сорок первую квартиру... Дверь открыл хозяин, но дядя Гриша услышал доносившиеся из комнаты голоса, причем один из них был женским.

«Вернулась! – с облегчением подумал он про Татьяну. – Коза драная! Стоило в такую даль переться!»

– Здорово, дядь Гриш, – подал тем временем ему руку Виктор. – Ко мне? Машина, что ли, опять забарахлила? Так давай поглядим, я сегодня свободен.

– Да нет, Витян, – со вздохом, вытирая пот со лба, проговорил Перепелкин. – По другому делу я к тебе. По конфиденциальному, – добавил он.

– По-нят-но, – по слогам произнес Виктор. – Значит, и тебе уже настучали, что Танька пропала... И что, ты пришел ее здесь искать?

«Значит, не она, – отметил со вздохом про себя дядя Гриша. – Кто же тогда у него?»

– Поговорить я пришел, – со вздохом ответил он.

– Ну, заходи, поговорить можно. Чувствую я, что меня замучают теперь этими разговорами, – тоже вздохнул Виктор.

Дядя Гриша прошел в комнату, где увидел сидевшую в кресле незнакомую светловолосую женщину, одетую модно и явно дорого.

«Фу-ты ну-ты, щеголиха какая! – подумал он с явной неприязнью. – Вырядилась! А этому что здесь нужно?» – Дядя Гриша нахмурился, переводя взгляд на знакомого молодого мужчину.

В мозгах участкового, несмотря на то что был он с похмелья, через несколько секунд был готов ответ – это же сосед Виктора, живет в этом же доме, и звать-величать его Роман Батури́н. Адвокат, живет здесь недавно, женился на Иринке Шевцовой, которая жила вместе с матерью. Не прописан, следовательно, претензий на жилплощадь не имеет. Все эти сведения почти автоматически прокрутились в голове у Перепелкина.

Дядя Гриша, откровенно сказать, невзлюбил Батурина. Он не любил адвокатов вообще, более того – презирал их, считая, что они только и могут, что преступников от заслуженного наказания отмазывать. Дядю Гришу в этом смысле можно было понять: сколько раз за его практику после суда выпускали преступника, чья вина для всех была очевидна! Но проницательные адвокаты умудрялись доказывать обратное, и справедливость отдыхала.

«Может, у него просто машина сломалась? – решил дядя Гриша. – А эта бабенка чего тут делает? У него жена молодая дома сидит, а он тут с дамочками прохлаждается! Я ему покажу непорядок на моем участке!»

– Здравствуйте, – поздоровался Роман.

– Добрый день, – поприветствовала участкового и дамочка.

– Здравствуйте, – плюхаясь на стул, буркнул дядя Гриша, подозрительно оглядывая гостей. – А вы здесь в честь какого случая? У нас дело конфиденциальное, так что прошу все личные разговоры перенести!

– У нас тоже конфиденциальное, – с улыбкой объяснила женщина. – Кстати, меня зовут Лариса.

– Они тоже пропажей Татьяны интересуются, – пояснил Прошаков.

– Да? – недоверчиво покосился Перепелкин. – А с какой стати?

– Вообще-то, – вмешался Роман, – я как юрист имею на это полное право, если человек добровольно делится со мной информацией.

Дядя Гриша нахмурился, но возражать не стал, решив про себя, что черт с ними, пускай сидят! Вместо этого он посмотрел на Прошакова и сказал:

– Правда, что ли, пропала? Расскажи-ка мне, что у вас тут случилось...

– Ну что мне, все сначала, что ли, повторять? – вздохнул Виктор.

– Повтори, Вить, – просительно сказал дядя Гриша. – Достали меня уже эти курвы наши дворовые! Да еще башка трещит...

– Может, того? – подмигнул Перепелкину Виктор, кивая на бар.

Дяде Грише этот бар был знаком. Он знал, что там всегда есть водочка и другие, более экзотические для среднерусской глотки напитки. Сам Виктор вообще-то почти не пил, но на всякий случай, для угощения, так сказать, дорогих гостей, выпивка у него всегда имелась. И дядя Гриша, разумеется, предпочитал привычную водочку. И в другой раз участковый не отказался бы от предложения, но... Этот адвокат недоделанный, а с ним еще и эта белобрысая Лариса... Черт их знает, что у них на уме! При них лучше не пить на всякий случай.

Проклиная в душе и адвоката, и его спутницу, дядя Гриша важно развел руками:

– Не могу, Вить, служба... В другой раз. Ты пока все-таки расскажи. Чего у вас случилось-то? Небось поскандалили опять?

Виктор набрал в легкие побольше воздуха и рассказал дяде Грише то, что уже поведал Ларисе и Роману.

– Так-так. – Лицо Перепелкина нахмурилось. – А раньше она у тебя так исчезала?

– Нет, – покачал головой Виктор. – Но в этот раз она разошлась прямо! Никогда так не орала раньше!

– Слушай, – дядя Гриша понизил голос, – не мое, конечно, собачье дело, но... мужика у ней не было?

– Нет, – твердо ответил Виктор. – Вот это точно могу сказать. – Она всегда с работы – на работу. И дома сидит. Все. Никуда почти не ходила, да и потом...

Виктор слегка замялся и посмотрел на Ларису с Романом.

– Ладно, говори, чего уж, – подбодрил дядя Гриша.

Виктор махнул рукой и поближе придвинулся к Перепелкину.

– Я тебе как мужику скажу – холодная она баба, – доверительно поведал он. – Ей мужики-то не очень и нужны. Знал бы, дурак, что она такая, сроду бы не женился!

– А чего ж женился? – хмыкнул дядя Гриша.

– Молодой был, глупый. Мы же поженились сразу, как школу закончили. Приятельница нас познакомила, на мою голову. А потом Танька болела постоянно по-женски, вечно ей нельзя было... Даже ребенка не может иметь. Мне ее жаль, конечно, потому и живу с ней. – Виктор закончил свой рассказ и закурил.

– Н-да... – почесал дядя Гриша голову. – Ну а подруги-то у нее есть? Может, они в курсе?

– Есть, конечно, но немного. С работы в основном. Но я звонить им не буду! – категорически заявил он. – Пусть не думает, что я тут по ней с ума схожу!

– Вить, – нахмутив брови, произнес дядя Гриша, – я тебя прекрасно понимаю. Но можно же на работу позвонить.

– Да это одно и то же! – загорячился Прошаков. – Все равно что ей!

– Извините, но я думаю, что позвонить все-таки нужно, – вмешалась Лариса. – Если хотите, могу позвонить я, чтобы женский голос не вызвал у вашей жены подозрений.

Прошаков с Перепелкиным переглянулись. Виктор выглядел гораздо более дружелюбно. Перепелкин же насупился, задумался, потом наконец кивнул:

– Звоните, только лишнего не наговорите. Где, мол, она, и все такое. А подойдет – скажите, что вы соседка какая-нибудь.

– Хорошо, – кивнула Лариса. – Я все скажу как надо. Давайте телефон.

Виктор продиктовал рабочий номер Татьяны, и через некоторое время Лариса уже говорила по телефону. Лицо ее при этом все больше и больше хмурилось.

– Что там такое? – встревожившись, спросил Прошаков.

– Ее со вчерашнего дня нет на работе, – поворачиваясь к нему, ответила Лариса.

– А вы спросите, может, она за свой счет взяла? Или больничный? – вытирая пот со лба, попросил Виктор.

Лариса поговорила еще несколько минут, после чего повесила трубку. Некоторое время она молчала. Виктор, дядя Гриша и Роман во все глаза смотрели на нее.

– Не брала она больничный, – наконец сказала Лариса. – Ушла с работы позавчера вечером, и больше ее никто не видел. Не отпрашивалась и насчет больничного не звонила.

– Господи, – растерянно проговорил Виктор. – Это что же, выходит, она и в самом деле пропала?

– А вы хорошо смотрели дома, она записки никакой вам не оставляла? – предположила Лариса.

– Да нет, – уверенно ответил Виктор. – Она бы на виду лежала. Ничего такого я не находил.

– Плохи дела, – пробормотал Перепелкин, доставая пачку «Примы».

Помяв ее в руках, он закурил. Лариса последовала его примеру, только вместо «Примы» в ее руках появились ее любимые «Кент Лайтс». Все это время Виктор молчал, и лицо его было бледным.

Докурив, дядя Гриша посмотрел на него.

– Ты уж извини, Витян, но я твою квартиру осмотреть должен, – сказал он, сминая окуроч в пепельнице.

– Это что же, обыск, что ли? – побледнев еще больше, спросил Виктор.

– Да какой там обыск, нет! – махнул рукой Перепелкин. – У меня и ордера-то нет. Просто осмотреть все надо.

– Ну гляди, – пожал плечами Виктор. – Мне скрывать нечего!

Дядя Гриша грузно поднялся и заходил по комнате. Он не очень-то понимал, за что браться в первую очередь, и остановился возле балкона. Лариса решила подсказать:

– Давайте посмотрим на балконе, здесь-то все на виду...

Дядя Гриша бросил на нее хмурый взгляд. Подергав за ручку и убедившись, что балкон заперт, он попросил:

– Открой!

Виктор послушно открыл дверь на балкон. Дядя Гриша вышел на свежий воздух, поежился... Лариса и Роман пошли за ним.

– Уж не думаете ли вы, что она здесь прячется... – начал было Виктор и вдруг осекся – на выложенном плиточками балконном полу виднелись замытые пятна, очень похожие на кровь.

– Та-а-ак, – повернулся дядя Гриша к Прошакову. – А дело-то, выходит, и в самом деле серьезное. – А ну-ка давай дальше посмотрим!

Виктор, растерянный и напуганный увиденным, молча кивнул. Лариса почувствовала, как участилось у нее сердцебиение. Дядя Гриша прошел в угол балкона и там наткнулся на большой бак.

– А это что? – спросил он у Виктора.

– Это... Это бак с грязным бельем, наверное, – неуверенно ответил Виктор.

– Странное дело! – заметила Лариса. – Такие баки обычно в ванной стоят! Что это он здесь делает?

– Да и этот всегда у Таньки в ванной стоял! Ума не приложу, как он мог сюда попасть! – Вид у Виктора был совсем растерянный.

– Ты давно на балкон выходил? – строго спросил Перепелкин у Виктора.

– Да не помню! Курю прямо в квартире, Танька насчет этого не возражала, она и сама курит.

Дядя Гриша приподнял крышку бака и начал выбрасывать его содержимое прямо на пол. Из бака полетели майки, юбки, свитера, цветастая блузка...

– Стоп! – Дядя Гриша вдруг ухватился за эту блузку. – Посмотри-ка, Витя!

Виктор взял блузку в руки. Вся ее передняя часть была в крови. Виктор с ужасом смотрел на кусок материи.

– Словом, нужно ждать, что будет дальше, – подвела итог Лариса, записывая данные Татьяниной подружки в блокнот. – А пока гадать нечего. Вот милиция сейчас приедет, и многое станет яснее.

* * *

Милиция приехала быстро. Первым в комнату прошел невысокий, коренастый, но очень подвижный мужчина. Несмотря на некрасивые черты, лицо его было очень мужественным и волевым. Чувствовалось, что человек этот привык непременно добиваться поставленной цели. Причем сам. Он протянул руку участковому Перепелкину и бросил остальным:

– Майор Абакумов. Ну что, я так понял, дело серьезное? Убийством пахнет?

Услышав про убийство, вдруг снова встрепенулся Виктор. Он вскочил со своего кресла и подошел к Роману:

– Я надеюсь, вы мне верите, что я невиновен? Вы не откажетесь от моей защиты?

Глаза Виктора с надеждой смотрели на Романа. Он ухватил его за руку, но Абакумов властным жестом отправил Прошакова обратно на диван.

– А вы кто такой? – живо повернулся он к Роману.

– Я адвокат Виктора Прошакова, – твердо ответил тот. – Моя фамилия Батулин. Намерен защищать его интересы в суде, если дело до этого дойдет. Пока, однако, для этого нет оснований.

– Как это нет оснований? – каким-то будничным тоном возразил Абакумов. – Оснований достаточно. Пропала женщина, в квартире обнаружена кровь... Я не понимаю, вы что, в самом деле хотите за это дело взяться? – Сузив и без того маленькие глаза, Абакумов пристально посмотрел на Романа.

– А разве вы можете мне это запретить? – спокойно спросил Роман.

– Нет, – пожал плечами Абакумов. – Но зачем вам заведомо проигрышное дело? Вы ведь, как я понял, молодой адвокат, начинающий... Зачем с такого провала начинать свою карьеру? Ведь и так все ясно.

– Не все, – покачал головой Роман. – Например, как я понял, вы уже считаете, что Виктор Прошаков убил свою жену, так?

– Допустим, – кивнул Абакумов.

– А где в таком случае ее труп? И как можно обвинять человека в убийстве, пока труп не найден? И потом, еще не доказано, что кровь на блузке принадлежит именно Татьяне!

– Труп мы найдем! – уверенно ответил Абакумов. – И с кровью экспертиза разберется.

– Только вот с чем сравнивать ее результаты? – тихо подала голос Лариса. – Разве у вас есть образец крови Татьяны Прошаковой?

Абакумов крутанулся на месте и уставился на Ларису.

– А вы кто такая будете и почему здесь находитесь? – спросил он.

– Я Лариса Викторовна Котова, частный детектив, – уверенно представилась Лариса, хотя, направляясь в эту квартиру, даже не думала, что займется расследованием.

Просто оснований для этого не было. У нее и сейчас в принципе не было четких мотивов. Единственное, о чем она думала, – это о помощи своему родственнику. Пока преступление не раскрыто, Роману будет трудно защитить Прошакова. Жены нет, кровь есть – улика более чем достаточно. А если еще найдут труп Татьяны и установят, что кровь действительно ее, – Лариса боялась, Виктору просто не отвертеться. И защита Романа пойдет насмарку. Значит, нужно браться за дело. Милиция усердно копать не будет, они станут в первую очередь колоть Прошакова. А если применят при этом силовые методы, то вполне возможно, что и расколют...

С другой стороны, Ларису многое и останавливало. Во-первых, она все-таки приехала сюда по семейным делам, а теперь придется заниматься расследованием. Кроме того, Нина Андреевна, узнав об этом, может отреагировать весьма бурно и негативно, что тоже добавит Ларисе седых волос. Спорить с мамой и обсуждать свое хобби ей не хотелось. И потом, самое главное – она ведь не была уверена, что Виктор Прошаков невиновен! Хотя многое и подсказывало, что он ни при чем. В самом деле, если бы человек убил свою жену, то хотя бы поспешил избавиться от окровавленных вещей. Время у него для этого, кстати, было.

«Словом, нужно заниматься, – вздохнула про себя Лариса. – А там будет ясно».

– Я хотел бы присутствовать при допросе подозреваемого как его адвокат, – твердо заявил тем временем Роман. – Я берусь его защищать.

– Не завидую вам, – покачал головой Абакумов. – Зря только время потратите. И деньги. – Он покосился на Ларису, и у той мелькнула мысль, что ей-то ведь и вообще никто не собирается платить...

– Я заплачу! – вдруг поднял воспаленные глаза Виктор. – И вам, и вам тоже! – Он посмотрел на Ларису.

– Людям прямо деньги девать некуда! – с иронией проговорил Абакумов. – Лучше бы уж тогда благотворительностью занялись!

– Я еще раз настаиваю на собственном присутствии при... – снова начал Роман.

– Да не гонит вас никто! – устало махнул рукой майор. – Присутствуйте! Только мне ваше присутствие кажется бесполезным, – посмотрел он на Ларису.

– Я же сказала, что...

– Я слышал, что вы сказали! – властно оборвал ее Абакумов. – Но частный детектив – лицо неофициальное. И я могу вас отсюда удалить. К тому же я вас совсем не знаю. У вас хотя бы лицензия есть?

Лариса вынуждена была признать, что нет.

– Ну вот видите! – хмыкнул Абакумов. – И потом, что-то я с вами никогда не сталкивался. Я вообще-то многих детективов знаю. Но чтобы женщина – такого у нас еще не было.

– Послушайте, – заговорила Лариса. – Вы можете связаться с подполковником Карташовым Олегом Валерьяновичем, он из нашего городского УВД, который подтвердит, что я раскрыла множество дел, кроме того, мне можно доверять. Позвоните, он вас убедит! Просто я действительно не из Астрахани, а из Тарасова, и мы не могли с вами нигде встречаться.

Лариса достала из сумочки свой мобильник и протянула его Абакумову. Она видела, что тот был настроен весьма скептически. Он, конечно же, слыхом не слыхивал о подполковнике Карташове из Тарасовского УВД. И какое он может иметь отношение к этой женщине? Она же ясно сказала, что не состоит на службе в милиции и даже частным детективом с лицензией не является! Тем не менее Абакумов набрал продиктованный Ларисой номер.

– Нету вашего Карташова! – как-то даже злорадно заявил он. – Он уехал!

– Куда? – тут же спросила Лариса.

– Не знаю, куда, мне этого не сообщили, – возвращая ей мобильник, сказал Абакумов. – Сказали только, что дня на два.

После этого он посчитал разговор с Ларисой исчерпанным и сосредоточился на обыске, который при соблюдении всех правовых норм – присутствовали две соседки в качестве понятых – проводился в квартире Прошакова. Однако вскоре выяснилось, что ничего, кроме окровавленной блузки на балконе, заслуживающего внимания там не оказалось.

– Посмотрите, что-нибудь из вещей вашей супруги не пропало?

Виктор тяжело поднялся и стал осматривать вещи Татьяны.

– Вроде как из одежды нескольких кофточек нет и юбки длинной. Но ведь она могла их дать кому-нибудь поносить.

– А ценности?

– Ценности все на месте. Золото все ее как лежало в шкатулке, так и лежит. Шкатулка в шкафу стоит. Нет только некоторых побрякушек... Даже не знаю, куда они делись, она их никогда не носит.

– Так, ладно, это понятно. Давайте рассказывайте, – бросил майор Абакумов, устраиваясь за столом.

– А что рассказывать? – удивился Виктор. – Я уже два раза сегодня повторил свой рассказ. Последний раз видел ее позавчера утром, перед работой, а когда она не вернулась вечером, решил, что обиделась и ушла к кому-то из подруг. Вот и все.

Прошаков развел руками и состроил непонимающую мину, как бы говоря: «Вот и все, я ни в чем не виноват, не понимаю, что вы вообще от меня хотите».

– Расскажите, как вы расстались позавчера утром, – вздохнул Абакумов. По его виду можно было предположить, что он не верит в утверждение Прошакова, будто последний раз тот видел жену позавчера утром.

– Да никак. Мы и не разговаривали совсем. Позавтракали, правда, вместе, но молча, а потом я уехал.

– То есть вы ушли из дома раньше? – уточнил майор.

– Да.

– Ваша жена уже была одета к выходу, когда вы уходили?

– Да. Она задержалась, ногти, что ли, пилить. А я не стал ее дожидаться. Так-то я ее на работу отвожу, а тут, думаю, раз молчит, пусть сама добирается.

– Она была одета в ту блузку, которую нашли окровавленной? – продолжал Абакумов.

– А вы знаете, нет, – подумав, несколько удивленно произнес Прошаков. – Она в платье вырядилась теплее, хотя в тот день было не так уж холодно. Я еще обратил на это внимание.

– И больше вы жену не видели?

– Нет. Я подумал, что она выдерживает характер, ну и сам стал так же себя вести.

– Чем вы занимались позавчера и во сколько вернулись домой?

Виктор почесал голову, припоминая, потом медленно стал рассказывать:

– Ну, я объехал свои точки, убедился, что все идет нормально, на станцию техобслуживания съездил, потом в офисе бумажной работой занимался. Вечером во дворе другу одному машину ремонтировал.

– Во сколько вы вернулись домой?

– Ну... Часов около семи где-то. Как раз футбол начался.

– А ваша жена во сколько заканчивает работу?

– В шесть.

– Всегда?

– Да. У нее график такой – с девяти до шести.

– А вы около шести были, очевидно, в пути?

– Ну... Наверное.

– И никто, конечно, не может этого подтвердить?

– Наверное, нет, – потерянным голосом сказал Виктор.

– Зато целый день вы были на виду у многих людей, – не без сарказма сказал Абакумов.

– Минуточку, – вмешался Роман. – То, что у Виктора нет алиби на шесть вечера, еще ничего не доказывает. В шесть часов вечера с Татьяной могло ничего страшного и не произойти. Почему именно это время? Нужно проверять, искать ее следы, куда она пошла с работы, и все прочее.

Абакумов молча смерил Романа презрительным взглядом и продолжил допрос.

– У вас есть гараж? – все тем же строгим менторским тоном спросил он Виктора.

– Конечно, – ответил тот, невольно почувствовав поддержку Батурина.

– Мы должны его осмотреть.

– Пожалуйста, – пожал плечами Виктор и поднялся. – Сейчас я принесу ключи.

– Вы пойдете с нами, – заявил Абакумов.

– Да уж понятно, – усмехнулся Виктор. – Куда уж мне теперь от вас деться!

Абакумов окинул его мрачным взглядом, но ничего не сказал. Он взял ключи у Прошакова и двинулся к двери.

– Егоров, – обратился он к одному из оперативников, сопровождавших его, – опечатай дверь. Я думаю, наш товарищ не скоро сюда вернется!

– А если вернется Татьяна? – тут же спросил Батурин.

– Распечатаем, – коротко ответил Абакумов. – И на вашем месте, – он ткнул пальцем в Виктора, – я бы молился, чтобы так оно и было.

Все вышли на улицу и повернули за угол дома, где располагались гаражи, принадлежавшие жильцам дома. Здесь же находился в том числе и гараж дяди Гриши Перепелкина.

Проведя всех к своему гаражу, Виктор молча указал на него. Абакумов повозился с замком, но открыл его собственноручно. В гараже было темно. Уже начинало смеркаться, и видно было плохо.

– Свет в гараже есть? – спросил Батурин.

– Да, – ответил Виктор, нажимая на кнопку выключателя.

Сразу стало светло. В гараже царил отменный порядок. В центре стояла темно-синяя «десятка», отмытая до блеска.

– Машина ваша? – спросил Олег.

– Да, – ответил Виктор и добавил: – Документы предъявить?

– Олег Павлович, да его это машина, что ж мы, не знаем, что ли, – не выдержал Перепелкин. – И всегда здесь стоит, когда он не ездит.

Абакумов промолчал. Он с какой-то маниакальной настойчивостью начал производить обыск, запрещая кому бы то ни было помогать ему.

Через час гараж был буквально перевернут от пола до потолка. Виктор Прошаков с грустью взирал на то, во что превратилось место, которое, очевидно, было ему очень дорого.

– Отоприте машину! – отдуваясь, приказал Абакумов.

Виктор послушно отпер автомобиль, но и там Олег Павлович ничего не нашел. Дотошный Абакумов залез даже под машину, вылез оттуда весь перемазанный и чертовски злой.

Батурин смотрел на майора насмешливым взглядом. Поняв, что выставляет себя на посмешище, Абакумов еще больше разозлился и коротко приказал:

– Так! Все! Сейчас вы едете с нами и остаетесь в СИЗО до выяснения обстоятельств.

– Минуточку! – снова встрял Батурин. – Я надеюсь, мой подзащитный не арестован?

Абакумов посмотрел на дотошного адвоката тяжелым въедливым взглядом и четко сказал:

– Нет. Повторяю для особо одаренных – он задержан до выяснения обстоятельств!

С этими словами он гордо вскинул голову, выходя из гаража, но стукнулся ею о низкую потолочную балку, чуть не взвыл от боли и, сдерживая поток брани, заорал:

– Егоров! В машину его, живо! Я поеду на своей!

И, круто развернувшись, зашагал к своей машине, украдкой потирая ушибленную голову.

– Олег Павлович, а мне-то домой можно? – спросил участковый, которого это происшествие на его территории, черт бы ее драл, совсем доконало.

– Иди! – не поворачиваясь, махнул рукой Абакумов.

– Олег Павлович, я тоже еду, – догоняя Абакумова, сказал Батурин, запомнивший имя-отчество майора.

– Вы-то еще зачем? – хмуро спросил Олег.

– Поговорить надо. И потом, я его адвокат. Мы с Ларисой Викторовной на своей машине доберемся.

– Да езжайте, бог с вами, – вздохнул Абакумов. – Хуже все равно не сделаете.

Егоров дождался, когда Прошаков запрет гараж, и провел его к милицмейской машине. Виктор, в последний раз бросив тоскливый взгляд на свой дом, вздохнул и сел в машину.

* * *

Когда они приехали в отделение, майор Абакумов провел Романа и Ларису в свой кабинет.

– Дело мы заведем! – пообещал он. – Основания есть! Я намерен сегодня же продолжить допрос и вытрясти из Прошакова признание!

– Олег Павлович, уверяю вас, что в данной ситуации вы поступаете неправильно, – принялся разубеждать майора Роман. – Во-первых, в чем он должен признаваться? Возможно, что Татьяна объявится завтра. Труп-то ее нигде нет!

– Да? А откуда же тогда кровь взялась?

– А разве уже готовы результаты экспертизы? Может, это и не кровь вовсе? Или не ее кровь?

– Не беспокойтесь, результаты будут готовы завтра, так что... А труп спрятать не так уж сложно – вон вывезти за город да выкинуть где-нибудь в лесу. Или в реке утопить. Знаете, сколько в Волге трупов по весне всплывает?

– И знать не хочу, – ответил Роман. – Мне кажется, вы торопитесь закрыть дело, не разобравшись толком. Во-первых, Виктор утверждает, что Татьяна собиралась на работу в другой одежде, а не в цветастой блузке. И на работе она позавчера была. Нужно бы выяснить, во что именно она была одета. Не думаю, что, придя домой, она надела не домашний халат, а нарядную блузку.

– Мало ли что говорит Виктор! Он и наврать может. Он мог и попросить ее переодеться под предлогом, что хочет помириться и сводить ее куда-нибудь развлечься. Все может быть. И потом, с какой стати вы мне рассказываете, как мне работать? Я вообще-то могу попросить вас удалиться!

– А я вообще-то адвокат Прошакова! – напомнил Батурин.

– Да? А эта женщина кто? – кивнул Абакумов на Ларису. – Не забывайте, что я просто по доброте душевной позволил ей здесь присутствовать и тоже в любой момент могу это прекратить. Так что уж ведите себя потише!

Возразить на это Ларисе с Романом было нечего, конфликтовать сейчас с майором, когда удалось попасть к нему в кабинет, было совсем нецелесообразно. Поэтому Роман и Лариса промолчали.

– Вот так, – удовлетворенно произнес Абакумов.

– Хорошо, – не утерпела все-таки Лариса. – Даже если вы ему не верите, попробуйте рассудить логически: почему Виктор не избавился от окровавленной одежды? Почему плохо замыл полы на балконе, так, что их любой заметит сразу, как туда войдет? Он же не идиот совсем – оставлять такие улики! И еще. Почему следы крови на балконе? Он что, там ее убивал? На виду у всех соседей? Ведь это же такой риск! Татьяна могла поднять крик на весь двор, их могли увидеть!

Абакумов, по-видимому, принял аргументы Ларисы, но вслух не стал с ними соглашаться, упрямо стоя на своем.

– Я продолжаю допрос и вытрясаю признание! – категорически заявил он. – И вы еще убедитесь, кто был прав! А все ваши доводы... У вас просто мало опыта в сыском деле, вы многое себе представляете неверно. Прошаков – дилетант! Он мог поступить и еще глупее.

– Не думаю. Если это умышленное убийство, человек бы подготовился к нему заранее и гораздо более тщательно. Здесь же все выглядит так, словно кто-то хотел его подставить.

– Просто у вас нет такого опыта общения с преступниками, как у меня, – снисходительно повторил Абакумов. – Поначалу они все отрицают, а вот потом говорят уже по-другому.

– Проводить допрос, конечно же, ваше право, – устало кивнула Лариса. – Просто мне кажется, что вы напрасно теряете время на Прошакова.

– Посмотрим, – улыбнулся Абакумов и распорядился, чтобы привели задержанного.

Лариса с Романом вскоре уехали домой. Там их встретили переполошенные сестры. Из-за их спин выглядывала Ирина. Мать и тетка махали руками, говорили одновременно и даже качали в такт головами.

– И где же это вас носит, мы уж тут с ног сбились, не знаем, что и думать! Да еще Валентина Дмитриевна сказала, что на машине куда-то поехали! К дяде Грише Перепелкину пришлось бежать, он сказал, что в милицию отправились! Господи! Этого еще не хватало!

Ларисе наконец удалось разобрать, что кричит Екатерина Андреевна.

– Вообще-то вы сами хотели, чтобы я ввязался в это дело, – устало заметил Роман.

– Так я что... Я не думала, что по ночам придется ездить! – выкрутилась теща.

– Ну вы хоть расскажите, что там за дело-то? – поинтересовалась мать Ларисы. – Что случилось? Где эта женщина?

– Пусть они сначала поедят, – решительно вмешалась Ирина. – С вечера из дома ушли, а сейчас уже почти утро!

Сестры тут же засуетились, захлопотали, кинувшись в кухню к холодильнику.

Глава 3

...Абакумов бился с Прошаковым почти до утра, но Виктор оказался упрямым и стоял на своем: Татьяну не убивал, в последний раз видел живой позавчера утром. Теперь уже получалось, что два дня назад. Промучившись, применяя различные способы подлова преступников на несоответствии показаний, Абакумов был вынужден отправить Виктора обратно в камеру.

Роман узнал о том, что Виктор так и не сознался, связавшись на следующее утро с Абакумовым. Он сообщил Ларисе и о том, что Абакумов не намерен сдаваться и будет колоть Прошакова дальше. Лариса в ответ только вздохнула.

– Я попросил его держать нас в курсе событий, – сказал Роман. – Но по его тону понял, что мне самому придется теребить его по телефону.

– Это само собой, – отозвалась Котова. – Ну а нам, если мы хотим опередить милицию, пора заняться делом. В какой фирме работала исчезнувшая Татьяна?

– «Ваша книга», – заглянув в блокнот, ответил Роман. – Судя по адресу, это недалеко отсюда.

Лариса уже успела понять, что если речь идет о центральной части города, то недалеко находится все. По сравнению с Тарасовом Астрахань выглядела гораздо более провинциально, но, с другой стороны, многие нужные учреждения находились прямо под рукой – центральная часть города была меньших масштабов, нежели в Тарасове, к которым привыкла Лариса.

Они договорились с Романом, что Котова поедет в фирму одна. У Батурина было несколько дел в юридической консультации, которые требовали его присутствия. Батурин не возражал, напротив, был очень рад, что приехавшая погостить родственница оказалась такой полезной...

Фирма «Ваша книга» находилась на одном из этажей огромного, по астраханским меркам, здания в семь этажей. В советское время это здание занимал НИИ сельского хозяйства. А сейчас, в начавшуюся эпоху зарождающегося капитализма в России большинство кабинетов было арендовано под офисы разными фирмами, поскольку после развала Союза мало кто нуждался в продукции данного научно-исследовательского института. АО «Ваша книга» было одним из этих арендаторов.

«Но ведь раньше, – невольно подумала Лариса, заходя внутрь и обводя глазами длинные коридоры, по обеим сторонам которых располагались двери кабинетов, – они были заняты сотрудниками НИИ! И все получали зарплату, и каждый вроде как работал... Господи, да что же здесь можно было делать такому количеству народа?»

Выяснив у охранника на входе, что «Ваша книга» находится на третьем этаже и занимает всего четыре комнаты, Лариса отправилась туда.

Она поднялась на третий этаж и, не постучав, тихонько вошла в кабинет. Там сидели несколько женщин разного возраста. Столы их были завалены бумагами, письменными принадлежностями, книжками, а сами они сосредоточенно работали за компьютерами.

Одна из них, самая молодая, заметив Ларису, подняла глаза от экрана, пристально рассмотрела ее и, поняв, что раньше никогда не видела, улыбнулась казенной улыбкой и произнесла:

– Добрый день, вы зашли в фирму «Ваша книга». Мы рады вас приветствовать, вы по вопросу сотрудничества?

– Отчасти, – вздохнула Лариса, внутренне удивившись стилю общения с посетителями в этой организации.

– Посмотрите пока наши рекламные проспекты, – открыла в улыбке кривоватые, но почти идеально белые зубы девушка и указала жестом на стоявшую рядом с ее столом тумбочку.

На вид она выглядела очень молодо, ей можно было дать максимум двадцать пять. У нее были светлые прямые волосы, уложенные в каре, довольно приятное, хотя и несколько по-детски глуповатое лицо с большими наивными глазами. Одета она была в светло-синий строгий костюм, юбка открывала прямые, чуть полноватые ноги.

«Не иначе как руководители фирмы чересчур внимательно слушали лекции западных специалистов в школе менеджмента, – подумала Лариса. – И очень прямо вложили свои знания в уста этой девчонки, которая повторяет все как попугай».

Американизированная лексика, заученные улыбки – это было ей знакомо по многим тарасовским фирмам, с недавних пор исповедовавшим именно такой стиль общения с посетителями.

Лариса присела, лениво пролистала один из предложенных ей проспектов, потом подняла глаза на сидевшую в ожидании девушку.

– Простите, вас ведь зовут Маша?

На лице девушки отразилось замешательство, улыбка сплыла с него, она явно изумилась, но потом снова взяла себя в руки и как ни в чем не бывало ответила:

– Да, Маша. А вы откуда знаете?

– У вас бейджик, девушка, – улыбнувшись, показала Лариса на пластмассовый прямоугольник на груди собеседницы.

– Ой, да? Ах, ну конечно! – совсем смутилась Мария Николаевна Кудрявцева, как гласил бейджик.

Она только не могла понять, какое это имеет значение, если человек пришел в фирму «Ваша книга» и вроде бы как по вопросу сотрудничества. Какая ему разница, с кем разговаривать, с Машей, Дашей или Наташей?

– Дело в том, что я именно к вам, – пояснила Лариса. – И сотрудничество хочу наладить не по книгоиздательским вопросам.

– Да? – Маша совсем растерялась. – А по каким?

Лариса заметила, что остальные женщины невольно прислушивались к необычному для их кабинета разговору, а некоторые даже приостановили работу.

– Только по одному. Насчет вашей подруги Татьяны Прошаковой, – сказала Лариса. – Вы ведь дружите?

– Ну да... – кивнула Кудрявцева. – А вы ей кто?

– Я ей никто, я ее даже ни разу не видела. Но произошла очень неприятная история, которую мне хотелось бы с вами обсудить. И желательно где-нибудь в другом месте, чтобы не отвлекать людей от работы. Вы можете уделить мне время?

– Что случилось? – вместо ответа спросила Маша. – Где Татьяна?

Лариса вздохнула:

– Этого я не знаю, но очень хочу узнать, потому и обращаюсь к вам.

– Но я тоже не знаю, ее второй день нет на работе, я думала, она приболела... – На лице девушки отразилась наивная растерянность.

Чтобы хоть как-то сдвинуть дело с мертвой точки, Лариса вынуждена была сказать:

– Ее муж арестован.

– Как? – Растерянность Маши увеличилась как минимум в два раза.

– По подозрению в убийстве, – ответила Котова. – Я сейчас не буду вам пересказывать все детали, скажу лишь, что нашли ее одежду в крови. Но тела не нашли, так что возможно, она и жива. Я просто хочу, чтобы вы поняли, что дело серьезное, и помогли разобраться.

Женщины в кабинете отложили свои дела и с полными изумления лицами уставились на Ларису.

– И когда же это случилось? – спросила одна из них, лет сорока пяти, полная крашеная блондинка.

– Два дня назад, – ответила Лариса.

– Так подожди, Маш... Вы же с ней вместе уходили тогда, помнишь? – повернулась женщина к Кудрявцевой.

– Ну да... Я думала, она домой поехала, – сказала Маша. – Мы с ней отправились домой порознь.

– А вам ничего не известно? – обратилась Лариса к остальным женщинам.

– Нам известно! – всплеснула руками блондинка. – Да она не звонит, хотя в квартире телефон есть! Мы думали, что заболела, еще удивлялись – неужели сообщить трудно? А тут вон, оказывается, какая история... Боже мой! Ужас какой! Татьяна пропала! А мы тут уже и не знаем, что думать. Господи, вот так, средь бела дня, и убить могут...

– Так, давайте вспомним поточнее, когда Татьяна ушла с работы и кто видел ее последней? – перешла Лариса к вопросам.

– Ну, ушла она сразу после шести, – ответила блондинка, переглянувшись с женщиной, сидевшей напротив нее. – Как и всегда. Да вам лучше Маша расскажет. Маша, что ты молчишь? – подтолкнула она девушку. – Они всегда с ней и курить вместе ходят, и домой после работы... Хоть и до остановки, но всегда вместе. А вы что же, из милиции? – вдруг спросила она Ларису.

– Нет, – не стала кривить душой Котова. – Я частный детектив, меня нанял муж Татьяны.

– Так он же... Вы говорите, он же ее и... убил? – растерялась крашеная блондинка.

– Стоп, стоп. Я еще даже не сказала, что ее вообще убили, это нужно выяснить. Я сказала, что тела Татьяны не нашли, нашли только окровавленную блузку. Муж утверждает, что он ее не убивал, что они просто поругались.

– Хороша ругань, до крови! – всплеснула руками еще одна молодая женщина, сидевшая в углу.

– Да вы не волнуйтесь, мне всего лишь нужно задать вам несколько вопросов, – постаралась успокоить встревоженных дам Лариса. – Давайте, Маша, мы с вами поговорим, потому что остальные, как выясняется, мало что знают по сути дела.

– Давайте, – согласилась Маша. – Только где?

– А вы в курилку идите, – подсказала блондинка. – Вы же там всегда с Таней болтали. Там удобно.

– Да, – спохватилась Маша. – Конечно! Пойдемте.

Они вышли вместе из кабинета, сопровождаемые обеспокоенными взглядами сотрудниц фирмы. Маша провела Ларису по коридору к лестнице, ведущей на четвертый этаж. Под ней образовывалось некое пространство, где стояли два старых, ободранных стула, а также банки из-под кофе, приспособленные под пепельницы.

– Это у нас так называемый «уголок отдыха», – улыбнулась Маша, ныряя под лестницу и усаживаясь на один из стульев.

Видя, что Лариса собирается сделать то же самое, она предупредила:

– Только осторожнее, стулья сломанные.

Лариса с опаской опустилась на краешек и достала свои сигареты.

– Итак, восемнадцатого сентября вечером вы с Татьяной, закончив работу, отправились по домам? – уточнила Лариса.

– Да, – кивнула Маша. – Мы только вышли вместе, она была хмурая. Весь день хмурилась, потому что они с Виктором крупно поругались. Хотя у них это частенько случалось.

– А из-за чего, она не говорила?

– Ясно, из-за чего, из-за денег, конечно, – пожала плечами Маша. – Танька всегда от Виктора требовала больше, чем он мог ей дать. С одной стороны, я ее понимаю. Раз уж мужик не любит, так пусть хоть деньги дает. Но я считаю, что Татьяна сама виновата. Ведь Виктор любил ее в свое время.

– А вам это откуда известно? – спросила Лариса.

– Господи! – всплеснула руками Маша. – Так ведь я их и познакомила! Танька подругой моей была с детства, правда, она старше на два года, но это неважно. А Виктор был другом моего старшего брата. И вот на дне рождения у меня они и познакомились. Я даже и не думала, что такое может быть, что он обратит на нее внимание, а уж что их отношения перерастут в супружество...

– А почему?

– Ну, Виктор – симпатичный парень, – уверенно заявила Маша. – А тогда вообще красавцем был. Все девчонки за ним бегали. А он Таньку выбрал. Я, конечно, про подругу говорить плохо не хочу, но она во внешности ему явно проигрывала. Хотя и яркая, но... непривлекательная. Резкая слишком, – пояснила Маша, поймав удивленный взгляд Ларисы. – Порой даже грубоватая. И Виктору это не нравилось...

– А это вы откуда знаете?

– Ну, я же к ним часто приходила! – с легким недоумением посмотрела на Ларису Маша. – Видела, как они живут, и Таня рассказывала. Жаловалась, что Виктор недоволен ею, замечания делает...

– А чем, кроме грубости, недоволен?

Маша вздохнула и задумалась, нахмутив брови. Создавалось впечатление, что она обдумывает, говорить ей о чем-то или нет.

– Маша, мне ведь это для выяснения обстоятельств нужно, – пояснила Лариса. – Не просто же так спрашиваю.

Маша еще раз вздохнула и сказала:

– Ну, как женщиной он ею был недоволен, Таня говорила. Она мне рассказывала, что секс не очень любит, что после работы ей лучше посидеть перед телевизором. Да Виктор к тому же не очень... как это сказать... Ну, в общем, не умеет как надо. И все такое.

Маша замялась, опустила глаза и стала теребить воротник своей блузки. Лариса заметила, что она даже покраснела.

– А у Виктора не было любовницы? – как бы между прочим спросила она.

– Ну, уж этого я не знаю, – развела руками Маша. – Такими вещами он со мной, конечно, не делился. Хотя я лично не исключаю такой возможности – какой мужик без постели долго выдержит? Но есть ли она, постоянная или нет, кто она такая, не знаю. А с Танькой я даже боялась об этом заговаривать. Она и так постоянно вся на нервах была, дерганая, чуть что – орать начинала. Я ей, кстати, советовала любовника завести. Мало ли, с мужем не нравится, а с другим, может, понравится. Но она, мне кажется, этим только отмазывалась, что он, мол, толком не умеет, а на самом деле ей не очень-то и нужно. И уж у нее точно никого не было, за это ручаюсь. Она вся в амбиции свои ударилась. И ее больше волновало не отсутствие секса, а то, что Виктор ее, видите ли, не ценит.

– А почему не ценит?

– Ну, точно не знаю, это у него лучше спросить. Наверное, потому что она и на работе, в общем-то, ничего такого не добилась, и дома тоже. У них же детей нет, и хозяйством она не очень любила заниматься. Хотя бы что-то одно, а так... Да еще эта бредовая идея ей в голову взбрела – свое дело открыть! Господи! Курам на смех! – фыркнула Маша. – Она же бизнесом никогда не занималась, и образования у нее соответствующего нет. Она в эту фирму попала, можно сказать, случайно – я ее привела, – а то вообще не знаю, чем бы занималась. У Виктора свой бизнес налаженный, он в нем все понимает, и дела у него идут успешно. Я ей все время говорила – ну куда ты лезешь? Обеспечивает тебя, и слава богу. Другой бы бросил давно такую, а Виктор жалел... Я ей советовала лучше не ругаться с ним, а постараться хоть как-то наладить нормальную жизнь. Может, и наладилось бы все со временем.

– Значит, то любовника завести советовали, то с мужем помириться? – усмехнулась Лариса.

– Ну а как с ней еще? Не хочет так – пусть по-другому. Она и по-другому не хочет. Что же делать? Я-то просто хотела, чтобы она ныть перестала. Она же постоянно приходила на работу и начинала жаловаться, как у нее все плохо. Волей-неволей ей все начинали советы давать, а потом поняли, что она все равно никого не слушает, и рукой махнули.

– Давайте вернемся к вашему уходу с работы, – сказала Лариса. – Вы распрощались и поехали к себе домой, так?

– Да... Правда, не совсем, – поправилась после небольшой паузы Маша. – Дело в том, что я пока у мамы живу – она у меня болеет сильно, а сейчас обострение наступило. Вот я и перебралась к ней временно.

– И больше Татьяна вам о себе не напоминала – ни звонком, ни визитом?

– Нет. Даже не звонила. Но перед тем, как мы расстались, случилось кое-что, и сейчас мне это кажется важным, – неожиданно проговорила Маша. – Да, теперь я в этом не сомневаюсь.

– Что именно? – удивленно спросила Лариса, поднимая глаза на Машу.

– Да то, что я увидела: к остановке подъехал какой-то мужчина и забрал Татьяну с собой! – с досадой ответила та. – Да, я точно вспомнила! Это произошло так быстро, что я даже не придала факту значения. К тому же подошел мой автобус, и я побежала быстрее, даже толком не разглядев ничего.

– Что значит – забрал?

– Ну, в машину посадил, – пояснила Маша.

– Вот как? Значит, она уехала с каким-то мужчиной? – уточнила Лариса. – А почему вы сразу мне не сказали?

– Так вот я только сейчас до этого момента дошла, – простодушно пояснила Маша, глядя на Ларису своими наивными глазами и снова открывая свои белые зубы.

– Он сам к ней подъехал? Или Татьяна его остановила?

– Да, сам, – кивнула Маша. – Только я не слышала, что он сказал: я же говорю, на автобус побежала. Но Танька к нему села без всякого стеснения, легко и просто, вот я и забыла сразу об этом.

– Как он выглядел? Что за машина? Как вам показалось, были ли они знакомы? – забросала девушку вопросами Лариса.

– Он... Понимаете, уже смеркалось, я плохо разглядела, – виноватым голосом проговорила Маша. – Да и не знала, что это будет так важно. Помню только, что на вид ему слегка за тридцать и волосы короткие. В куртку коричневую был одет. Кожаную.

– Так, а машина?

– По-моему, «девятка». А может, и «восьмерка». Цвета тоже не помню, – огорченно добавила она. – По-моему, темно-синяя или черная. А вот были ли они знакомы или нет, я так и не поняла. Но он ее точно знал, потому что сразу прямо к ней подъехал и разговор завел. А я, дура, даже номер не запомнила! – Маша с силой стукнула себя кулаком по коленке.

– Успокойтесь, – сказала Лариса. – Вы действительно не могли знать, что это будет важно. Было бы странно, если бы вы запомнили номер. А сейчас главное – вспомнить детали, чтобы можно было вычислить этого мужчину.

– Но я... Я больше ничего не помню, никаких деталей, – развела руками Маша. – Разве что... Повез он ее прямо, а потом повернул налево, на повороте. А уж дальше куда – не знаю. Это я видела из окна автобуса. А потом мы прямо поехали, а они свернули. Боже мой! Неужели он правда ее убил?

– Будем надеяться, что нет, – вздохнула Лариса.

– И что, Витьку все равно заранее обвиняют в убийстве Татьяны? Когда даже не доказано, что она мертва? Чушь какая! Да я сегодня же пойду в милицию и все расскажу! – распалилась Маша, выхватывая новую сигарету. – Бред какой-то!

– Я не думаю, что в этом есть необходимость, – сказала Лариса. – Если понадобится, вас вызовут повесткой. Возможно, и мне придется с вами еще раз поговорить.

– Только я редко сейчас дома бываю, – повторила Маша. – Все больше у мамы.

– Это ничего, – успокоила ее Лариса. – На работе-то вы каждый день?

– Да, конечно. С девяти до шести.

– Маша, вы точно больше ничего не можете вспомнить? – серьезно спросила Лариса.

Маша сосредоточенно наморщила лоб, потом решительно тряхнула своими прямыми волосами.

– Нет, ничего.

– Угу, – кивнула Лариса. – А скажите-ка мне вот что: были ли у Тани враги?

– Такие, чтобы могли желать ее смерти? Да вы смеетесь! Нет, конечно, – замотала головой Кудрявцева. – Скорее, враги могли быть у Виктора, у него одно время были неприятности, я краем уха слышала. И вам советую расследование с его конкурентов начать! Может, они Таньку похитили и теперь выкуп за нее требовать будут?

– Тогда они уже давно дали бы о себе знать, – сказала Лариса. – И потом, у него что, так много денег, чтобы можно было похищать жену в расчете на выкуп?

– Да нет, – пожала плечами Маша.

– Ну вот видите. В сущности, пока еще ничего не ясно, нужно искать этого таинственного мужчину, – подвела итог Лариса и поднялась со стула.

Тут в коридоре послышался грузный топот, и вскоре Лариса увидела высокого толстого мужчину в очках, который пыхтя шел в курилку. Увидев Машу, он чмокнул пухлыми губами и сказал:

– Здравствуйте, Машенька. Рад, так сказать, видеть... Добрый день, – вежливо повернулся он к Ларисе и вопросительно уставился на нее. – По поводу сотрудничества? Принесли материалы? – заулыбался он. – Машенька, наверное, вам уже все растолковала?

– Филипп Викторович, это насчет Татьяны Прошаковой, – объяснила Маша. – Представляете, она пропала неизвестно куда! Дома не появляется, в офисе тоже ее вчера не было. Ее даже ищет милиция и вот... частный детектив.

– Лариса Викторовна Котова, – представилась Лариса.

На лице толстяка отразилось недоумение и даже испуг. Пухлая нижняя губа его смешно отвисла, и он растерянно посмотрел на Машу.

– Танечка пропала? – наконец выдавил он. – Но ведь это просто, так сказать... кошмар какой-то! Как это может быть?

– Говорят, ее муж убил, представляете? – эмоционально воскликнула Маша.

На лице Филиппа Викторовича и вовсе отразился ужас.

– Боже мой! – только и смог он произнести. – Неужели? Ай-я-яй! Недаром она на него жаловалась, а я-то думал, обычные женские капризы... М-да... Лучшая наша сотрудница, лучшая, – скорбно покачал он головой. – Любую работу можно было поручить, все сделает. Трудолюбивая, исполнительная, живая такая... М-да. Жаль, жаль... И что же, это уже доказано? Ведь это не просто так все должно делаться, – заволновался толстяк.

– Филя, хватит за женщинами ухаживать, ты все равно для них просто начальник и тем более второй после меня, – послышался ядовитый голос, и Лариса увидела высокого худого господина с холодным блеском насмешливых глаз, выбритого тщательнейшим образом и столь же тщательно причесанного, даже прилизанного. – Пошли работать.

– Да-да, сейчас, Сереж, сейчас, – засуетился Филипп Викторович. – Подожди меня!

И, уже неуклюже пятясь, обратился к Ларисе, скороговоркой выговаривая:

– Ну что ж, успехов вам в расследовании. Машенька, вы зайдите ко мне потом, хорошо? Чтобы подробнее поговорить...

Повернувшись и отдуваясь на каждом шагу, он пошел по коридору вслед за тощим типом, хотя раньше направлялся совсем в другую сторону.

– Это заместитель директора, Астахов Филипп Викторович, – пояснила Маша. – Очень добрый человек, хороший... Он, кстати, Таню высоко ценил.

– И действительно было за что? – любопытствовала Лариса.

– Как вам сказать... – Маша замялась. – Танька как работница была неоднозначна, просто Филипп Викторович не все знает... Могла порой и в самом деле как лошадь пахать, если настроение было. А если нет, так плевать на все хотела. Все по настроению. Если придет мрачная, может в любой момент хвостом вильнуть и в курилке до вечера проторчать или у Филиппа Викторовича в кабинете кофе пить и лясы точить. А потом бегом-бегом наверх стывать, заканчивать поскорее, тяп-ляп... Нет, вы не подумайте, я не хочу ее грязью поливать, – спохватилась Маша. – Когда она старалась, работу действительно хорошо выполняла. Просто это я к тому, что Филипп Викторович у нас человек очень наивный и доверчивый, Танька часто ему мозги пудрила. Вот директор – тот совсем другой.

– Это тот самый желчный господин, что его увел? – уточнила Лариса.

– Да, – улыбнулась Маша. – Сергей Аркадьевич. Его не очень любят, но если бы не он, дисциплина в фирме резко упала бы. А Филипп Викторович просто не создан быть руководителем, зато его все просто обожают.

– Ну что ж, мне действительно пора, – сказала Лариса, прощаясь с Машей. – Если вдруг Татьяна объявится или как-то даст о себе знать, сразу же сообщите мне. Вот мой телефон, – и Лариса протянула девушке листок с номером Екатерины Андреевны, а также своего мобильного.

Маша, кивнув ей в знак того, что все поняла, уже собиралась идти к себе в кабинет. Как вдруг остановилась и окликнула лысого усатого мужчину лет за тридцать, шедшего по коридору мимо курилки в противоположном ей направлении.

– Александр Петрович!

Мужчина повернулся и вопросительно взглянул на Машу.

– Здравствуйте, – немного выждав, поздоровался он.

– Александр Петрович, у меня проблемы с компьютером. Не могли бы вы посмотреть?

– А что там у вас случилось? – равнодушно спросил тот, переминаясь с ноги на ногу.

– Ой, я и сама не поняла... – замялась Маша. – Я плохо в этом разбираюсь. Он постоянно зависает, какую-то белиберду мне пишет непонятными значками.

Александр Петрович неопределенно покивал головой, что могло означать одновременно «а, ну с этим все понятно!», равно как и «да чего же у вас там произошло, ума не приложу!».

– Кстати, у нас с Татьяной Прошаковой беда случилась, вы не в курсе? – эмоционально воскликнула Маша, которой, видимо, не терпелось поделиться этой новостью со всеми.

– А что такое? – столь же равнодушно спросил Александр Петрович.

– Подозрение на убийство, – ответила Маша, чем вызвала удивленное поднятие бровей специалиста по компьютерам.

– Вот как?

– Частный детектив вот пришел разбираться... – Кудрявцева повернулась к Ларисе. – Вы, между прочим, ничего не заметили подозрительного позавчера? Вроде бы с ней тогда разговаривали, я заметила...

Александр Петрович пожал плечами и покачал головой. Выждав паузу, он повернулся к Ларисе и сказал, обращаясь именно к ней:

– Ну, там разговор был как разговор. Тоже с компьютером там что-то у нее случилось. Спрашивала меня, не знаю ли я, где можно взять кредит. Я спросил, сколько ей нужно денег,

она сказала – сто тысяч. Ну, я сказал, что не знаю. – На лице лысого компьютерщика появилось подобие усмешки. – Действительно, откуда мне знать... А что, ее уже нашли? В смысле, я имею в виду...

– Нет, труп не нашли, в том-то и дело, – вставила Лариса. – А когда вы с ней последний раз разговаривали?

– Вот где-то в обед и разговаривал. – Александр Петрович кивнул в сторону Маши. – Они здесь, в курилке, всегда собираются, потом я присоединился, она меня и спросила. Очень нервничала, как я помню... Так ведь, Маша?

Маша сначала пожала плечами, а потом закивала в знак согласия.

– Да, нервничала в тот день... Они с мужем поругались, – пояснила она.

– К сожалению, я вам ничем помочь не могу, – вздохнул Александр Петрович. – Я с ней поговорил, а после ее не видел. Так что... извините! – Он быстро посмотрел на Ларису, а потом обратился к Маше: – Ну, пойдем посмотрим, что там у тебя с машиной произошло. Я вообще-то на обед собирался, да ладно уж, пойдем...

– Да-да. – Маша обернулась к Ларисе, попрощалась и торопливо пошла вместе с важно вышагивающим по коридору специалистом по компьютерам в свой кабинет.

* * *

Вернувшись домой, Лариса обнаружила там нечто похожее на семейный совет, на котором присутствовали ее мать и тетка, Ирина, Роман, а также заварившая кашу соседка. Представители старшего поколения задавали тон обсуждению. Их речи были эмоциональны, сбивчивы и довольно бестолковы. Ирина вообще ничего не говорила, предпочитая отмалчиваться. Роман что-то возражал женщинам, а те все поучали неразумного.

Когда вернулась Лариса, к ней обратились взгляды теток и соседки, полные неясной, неопределенной, но все же надежды.

Надо сказать, что с Екатерины Андреевны в тот самый момент, когда была вызвана милиция и начало раскручиваться дело об исчезновении соседки, мигом слетела вся хворь. Создавалось такое впечатление, что случившееся событие – это то, чего ей не доставало в жизни, не хватало именно вот этого сопереживания, в общем-то, чужим ей людям. Но, с другой стороны, эти люди жили близко, это были ее соседи, и интерес к тому, чем там все закончится, прибавлял ей жизненных сил. Разумеется, она считала себя достаточно компетентной в том смысле, чтобы давать советы как заочно правоохранительным органам, так и очно – зятю, которого сама же и вовлекла в это дело, чтобы он выступил адвокатом.

Последовательностью взглядов Екатерина Андреевна, однако, не отличалась. Лариса в течение получаса, после того как пришла и включилась в беседу, выслушала две полярные точки зрения тетки. Первая сводилась к тому, что виноват муж – потому что больше некому, потому что жили плохо, потому что он аспид, домашний самодур и так далее. Однако после того, как Роман рассказал теще о том, как вел себя Виктор во время задержания, Екатерина Андреевна выдвинула другую версию – что это «совсем не Виктор виноват», что эта змеюка Татьяна ему жизнь испортила, и он в порыве гнева ее и убил. Но никакого порицания Виктор не заслуживает. И наконец, Екатерина Андреевна заявила, что виновен вообще кто-то другой, что Виктор не может быть убийцей и что Роману нужно напрячься, найти действительно виновника и утереть нос этим «милиционерам, которые только деньги вымогать горазды и пить самогонку».

Наконец Екатерина Андреевна успокоилась, хотела было обратиться к Ларисе с расспросами, но вдруг посмотрела на часы, всплеснула руками и воскликнула:

– Нина, а что же мы с тобой сидим-то! Включай быстрее телевизор, а то пропустим!

Речь шла об очередном латиноамериканском сериале на главном телеканале страны. Ирина с Романом вздохнули с явным облегчением. Лариса тоже.

Когда молодое поколение собралось вместе, Лариса сообщила Роману о результатах посещения фирмы Татьяны. Батурин же, со своей стороны, поведал ей о том, что он опросил соседей Прошакова.

– Никто ничего не видел, Татьяна в тот вечер, похоже, домой не возвращалась. У нас есть здесь один бездельник-алкаш, Дима его зовут. Он вечно торчит во дворе и все про всех знает. Великолепная кандидатура для тайного агента.

Лариса усмехнулась.

– Так вот, этот Дима утверждает, что Татьяну он вечером не видел, а Виктор приехал домой где-то около половины восьмого, – продолжил Роман. – Это время я установил с помощью сопоставления показаний Димы и еще нескольких соседей. И вроде бы Виктор за весь вечер никуда не выходил, был дома. Так что показания его подтверждаются.

– А ночью и утром следующего дня Татьяну тоже никто не видел? – уточнила Лариса.

Роман покачал головой.

– Нет. Хотя и это еще ничего не доказывает. Вот когда найдут тело, тогда будет ясно.

– Мне кажется, завтра нужно добиться встречи с Виктором. К нему явно накопились вопросы, – сказала Лариса. – Вот только как это сделать? Если бы все происходило у нас в Тарасове, то проблем бы не возникло, а здесь... Я даже не знаю, как действовать. Майор Абакумов, как мне показалось, не питает к нам особой симпатии, а к самому Виктору и подавно.

– Да, но, с другой стороны, он позволил вам присутствовать при допросе и даже уделил потом время для разговора в собственном кабинете, – напомнил Роман. – И вообще-то я как адвокат Прошакова имею право добиться встречи с ним. У меня теперь и официальные бумаги есть, я все оформил. Что касается вас, Лариса, то с этим сложнее. Хотя и здесь можно будет что-то придумать, если Абакумов воспримет нашу просьбу в штыки.

Глава 4

На их счастье, никто просьбу в штыки не принял, и Роману не пришлось прибегать ни к каким юридическим уловкам, чтобы провести Ларису вместе с собой, так что уже утром следующего дня они оба получили возможность встретиться с подзащитным.

Лариса отметила, что ночь в СИЗО не прошла для Виктора Прошакова даром: глаза его были воспаленными и красными, под ними залегли тени, вид он имел усталый, видимо, не спал всю ночь. Тем не менее держался спокойно и уверенно, по крайней мере внешне.

Ему сразу же был задан вопрос относительно таинственного мужчины, которого видела Маша Кудрявцева и который увез Татьяну на своей машине.

– Понятия не имею, кто это, – пожал плечами Виктор. – Человек с такими приметам мне незнаком. Да и приметы-то эти не бог весть какие – под такие кого угодно можно подвести. «Девяток» и «восьмерок» тоже в городе пруд пруди. И это, между прочим, доказывает, что я тут ни при чем! Она там с кем-то уехала, а получается, я виноват.

– И все же постарайтесь вспомнить, может быть, кто-то из ваших знакомых подходит под эти приметы? – проявила настойчивость Лариса.

Виктор задумался, потом что-то невнятно пробормотал себе под нос. «Да нет, этого не может быть», – удалось расслышать Роману и Ларисе.

– Виктор, – тяжело вздохнул Батурин, – ну что из вас все клещами приходится тянуть? Ведь от этого, возможно, зависит судьба вашей жены. А уж ваша – так точно.

– Хорошо, – ответил Виктор. – У меня действительно есть среди знакомых парочка похожих людей. Но вот зачем им нужно было увозить Татьяну – ума не приложу.

– Кто они? – быстро спросил Батурин, открывая свой блокнот.

– Один – пьянчуга Пашка Кравченко, у меня на точке работает. У него «девятка» вроде бы есть, темно-вишневого цвета, только по приметам он не очень-то совпадает, так, кое-что... Да и вообще этот Пашка... – Виктор махнул рукой, показывая, что он абсолютно не верит в возможность причастности Кравченко.

– Ничего, проверим, – кивнул Роман, записывая фамилию. – Маша сама говорила, что было темно. А кто второй?

Виктор замялся. Роман и Лариса смотрели на него почти не мигая, всем своим видом показывая, что они ждут.

– Второй – Толян Вельчинский, – нехотя ответил Прошаков. – Мы с ним бизнес в свое время начинали вместе. И однажды конфликт случился...

– Какой? – тут же уточнила Лариса.

– Мы хотели сначала организовать станцию, а потом уже магазин покупать и машинами торговать. На магазин денег нужно было гораздо больше. А Толян уперся – говорит, мол, деньги я найду, все будет нормально. А я ему – отдавать придется, а если у бандитов возьмешь, то вообще потом на них будешь работать. Ну, мы поругались из-за этого, он плюнул, сказал, что хочет забрать свою долю, и ушел. Сейчас вон открыл магазин, «Атлант» называется. Но с тех пор я с ним не разговаривал. Расстались мы чуть ли не с дракой.

– Так, ясно... – оживился Батурин. – Обязательно проверим этого Вельчинского.

– И он забрал свою долю? – поинтересовалась Лариса.

– Не до конца. Я же не могу выдергивать все деньги, потому что ему там приспичило. В конце концов, директором был я, а он – второе лицо. А что мне оставалось делать? – продолжил в свое оправдание Прошаков. – Попали бы с этими бандитами, совершенно точно. А у меня сейчас станция – может, бабки и не такие большие, но все же.

– Этот Вельчинский, он потом случаем не угрожал вам? – спросила Котова.

– Нет, что вы! Просто приехал как-то, истерику закатил, – ответил Прошаков. – Но потом мы выпили, поговорили по душам, он успокоился. Мы назначили сроки, все нормально... Словом, расстались не врагами. А магазин он все же купил. Я говорю – видишь, что ни делается, все к лучшему. Но это его дела, я туда не встречаю. А в общем, зла мы друг на друга не держим.

– Он знаком с вашей женой?

– Очень мельком. Татьяна не любит, когда у нас кто-то из моих друзей бывает, вот и приходится встречаться с ребятами в других местах.

– А когда это было? – спросил Роман. – Я имею в виду ваш конфликт.

– Да уж года два прошло. У него почти год как магазин свой. Да нет, вы на Тольку не думайте, не стал бы он... Зачем ему жену мою похищать? Да еще убивать. – При последних словах Виктор передернулся.

– А Кравченко? – спросил Роман.

– Тому вообще это на фиг не надо! Он, конечно, человек ненадежный... В смысле разгильдяй. Может на работу опоздать, а то и совсем не выйти. Но похищать Таньку ему совсем незачем. Да он и не знаком с ней вовсе.

– Вы знаете их адреса?

– Кравченко у меня записан в документах, они дома, в ящике серванта. Но вы можете на точке его легко найти, возле Сенного. Где трамвайная остановка. Его там все знают, он парень компанейский. И по приметам, как я говорил, частично похож, как вы описали. Темноволосый, высокий. Правда, в кепке ходит, но ведь и снять мог. Но только завтра не его смена. А вот Толька переехал недавно, так что нового адреса его я пока не знаю. Но знаю, что магазин его называется «Атлант», находится на Третьей Садовой. Но, повторяю, никакого мотива не вижу ни у одного из них похищать Татьяну...

– Это мы все выясним, – повторила Лариса. – У меня к вам еще несколько важных вопросов. Во-первых, в день исчезновения ваша жена активно занималась поисками кредитных денег. Обращалась даже к совсем посторонним людям. Как вы думаете, у нее были знакомые, которые могли бы ей их ссудить?

– Нет, – категорически ответил Виктор. – Иначе она бы давно от меня отстала и у них взяла. Да нет, я же вообще всех ее знакомых наперечет знаю.

Роман посмотрел на Виктора недоверчиво, но ничего не сказал, а тот, поймав его взгляд, продолжал:

– Характер у моей жены не сахар, с ней мало кто дружил. И доверять такую сумму денег, как она просила, не стал бы.

– Хорошо, вы меня, можно сказать, убедили, – кивнула Лариса. – Теперь второе. Допустим, мы вам верим и вы жену не трогали пальцем.

– Что касается меня, то я просто обязан придерживаться этого мнения, – тут же вставил Батурин.

– Хорошо. В таком случае у меня вот какой вопрос. Кто мог подбросить вам на балкон окровавленные вещи? Ведь это явно сделано с целью подставить вас. И в таком случае напрашивается вывод: этот человек имел доступ в вашу квартиру, ему мешали вы, и ему нужно было устранить вашу жену.

Прошаков надолго задумался.

– Кому могла помешать Татьяна, я не знаю, – наконец медленно проговорил он. – Собственно, за стервозный характер ее многие не любили, но чтобы убивать... Да еще так, чтобы подставить меня... Нет, я и представить не могу. А потом, действительно, кто мог попасть в нашу квартиру? У нас три комплекта ключей: один у меня, второй у нее, а третий запасной, он дома хранится.

– И до сих пор хранится?

– Да, я его видел, когда обыск проводился. Танька свои ключи вряд ли кому-то давала. Я свои точно никому не давал. Если только отмычкой открыли? – Он вопросительно посмотрел на Ларису и Романа.

– Железную дверь? – вслух сказала Лариса. – Вряд ли. Этот человек должен был спокойно зайти, уверенный, что не привлечет внимания. Вы, как я поняла, всегда ночуете дома?

– Да, – ответил Прошаков. – И когда Татьяна не пришла, тоже ночевал дома.

– В общем, с попаданием этих вещей к вам на балкон пока сплошные загадки, – задумчиво сказала Лариса. – Теперь вот еще что. Соседка из вашего дома, Валентина Дмитриевна, утверждает, что за день до исчезновения Татьяны слышала, как вы грозились ее убить. Причем кричали громко и всерьез. Можно, конечно, предположить, что она преувеличивает, но все же... Как вы можете это объяснить?

Прошаков закатил глаза. Потом покачал головой и тяжело вздохнул.

– Такое впечатление, что Валентине Дмитриевне нечем заняться, – ответил он. – Впрочем, так оно и есть. Что же касается так называемой угрозы, то я действительно пригрозил Таньке, но только для того, чтобы она отстала от меня со своими просьбами насчет денег. Я же говорил, что мы поругались. Она меня обзывала по-всякому, тоже, между прочим, грозила глупостями всякими... Вот я в порыве и сказал. А убивать всерьез я ее не собирался, еще чего не хватало, в тюрьму из-за нее идти! И так ни за что ни про что теперь маюсь!

– Ну, я так и думал, – сказал Батурин.

Дверь в комнату свиданий отворилась, и показался майор Абакумов, который мрачно объявил, что время вышло.

– Господин Батурин, у вас еще есть вопросы к вашему подзащитному? – спросил он Романа.

– Нет, спасибо, – проговорил Роман, вставая. – У нас все.

– Ну а мы еще побеседуем, – вздохнул Абакумов, глядя на Прошакова.

Роман бросил на Виктора сочувствующий взгляд, и они вместе с Ларисой вышли из кабинета.

– Адреса выясним, – оптимистически заметил Батурин. – В конце концов, для этого существуют справочное и адресный стол. А может быть, и не придется ехать к ним домой – Виктор же сказал, где они оба работают.

– Вы имеете в виду Вельчинского и Кравченко? – уточнила Лариса.

– Ну да.

– Конечно, это не проблема. Только я вот что думаю. Не стоит нам терять время на них обоих. Лучше разделить. Я могу поехать к Вельчинскому, а вы к Кравченко, или наоборот. Вы кого выбираете?

– Сами выбирайте, – махнул рукой Батурин, – поскольку у меня сейчас еще другие дела и освобожусь я только к вечеру.

– Тогда я поеду к Кравченко, – решила Лариса. – Вряд ли он станет торчать на своей точке до вечера, так что лучше с ним встретиться прямо сейчас. А потом решим, что дальше.

На этом они с Романом временно распрощались, договорившись созвониться. Батурин отправился по своим делам, а Лариса поехала в сторону Сенного рынка на встречу с Павлом Кравченко. Там располагались многочисленные торговые магазинчики, в том числе и запчастей.

* * *

Потихоньку идя между рядов, Лариса присматривалась к торгующим. Никого, похожего на Кравченко, она не увидела, да и не очень-то рассчитывала на это.

Подойдя к одному из торговцев, Лариса обратилась к нему:

– Скажите, пожалуйста, а кто тут от Виктора Прошакова торгует?

Тот внимательно оглядел Ларису, видимо, отметил, что она вполне платежеспособна, улыбнулся и сказал:

– А зачем вам именно он? Если хотите что-то купить, то у меня тоже можно! Товар ничуть не хуже, даже дешевле! Хотите посмотреть?

– Да нет, спасибо, я к нему совсем по другому вопросу, – отказалась Лариса. – Так вы знаете, где его найти?

– Знаю, знаю, – кивнул парень. – Во-он там человек торгует через три точки. Дядь Володь! – крикнул он.

– Чего? – поворачиваясь, гаркнул в ответ здоровый мужик лет около пятидесяти, загорелый, с коротко стриженными, наполовину седыми волосами. Одет он был в стандартную кожаную куртку.

– Вот тут женщина к вам, – сказал парень, а Лариса уже двинулась к указанному мужчине.

Тот вопросительно смотрел на нее, пока ничего не спрашивая и сосредоточенно продолжая протирать запчасти.

– Простите, мне нужен Павел Кравченко, – без предисловий начала Лариса.

– Нету его, – коротко отозвался мужчина.

– Почему нету? Виктор сказал, что он каждый день здесь, – удивленно сказала Лариса.

Мужчина только хмыкнул.

– Виктор сказал! – с издевкой проговорил он. – Виктор и знать не знает, сколько он работает! А я уж устал его перед ним отмазывать!

– Так что, он часто уходит с работы посреди дня? – спросила Лариса.

– Часто! – снова недовольно буркнул мужчина. – Почти каждый день!

Повозившись с хмурым видом со своими запчастями, он наконец поднял глаза на Ларису и неприязненно сообщил:

– Да забухал он! Теперь пока не протрезвеет, бесполезно его искать! Он вообще запарил здесь всех! Уж и не знаю, чего его Виктор держит! Давно бы выгнал, другого нашел. А этот то точку оставит без присмотра, а сам в ларек, то вообще здесь пьяным в дым стоит. А в это время у него тут товар прут недуром. Вечно у него недостачи...

– Понятно, – кивнула Лариса. – Ну а адрес этого пьяницы у вас есть? Где его найти-то можно?

Продавец запчастей снова деловито завозился со своим товаром, то ли сдувая с запчастей пыль, то ли поправляя. Действия его были абсолютно бестолковыми, и было понятно, что вызваны они были неким нервным состоянием.

– А зачем он вам нужен? – спросил дядя Володя, по-прежнему хмурия брови.

– Я от Виктора, у меня к нему срочное сообщение, очень важное.

Дядя Володя подозрительно и недоверчиво оглядел Ларису, потом вздохнул, отошел от своих запчастей, достал из кармана своей выдавшей виды куртки сигарету, закурил и неторопливо начал:

– Значит, так, слушайте... Сейчас на трамвай сядете, на «четверку», поедете почти до конца, ну, туда, за мост...

Лариса кивала, хотя не представляла себе, что это за мост и куда вообще идет трамвай номер четыре.

– А адрес-то какой?

– Да не знаю я адреса! – махнул рукой дядя Володя. – Но там найти просто. Вторая остановка после моста, выходите, сразу направо поворачиваете, и там зеленый дом стоит частный. Он один там такой. Номер, по-моему, тридцать три. Там друг его живет, Серега. Вот они с этим Серегой и бухают там, а больше ему быть негде.

– Это вы точно знаете?

– Ну, точно не точно, а больше все равно не знаю! Я был там один раз, тоже искал его. Только если он там, вряд ли он вашему сообщению будет рад. Да он его и не поймет скорее всего, с пьяных глаз. Так что зря только время потеряете. Да и вообще я бы вам не советовал туда ездить. Пускай Виктор сам это делает. Там публика, знаете... Не шибко уважительная. Передайте Виктору, что нету Пашки, и пусть с ним сам разбирается, может, выгонит наконец. А что с Виктором-то самим, где он?

– Он по другим делам поехал, – не стала открывать правды раньше времени Лариса. – Замотался совсем.

– А-а-а... – протянул дядя Володя. – Ну, все равно. Освободится – и пусть ищет его.

– Да нет, я уж все равно съезжу, – вздохнула Лариса.

– Ну, дело ваше, – пожал плечами продавец, возвращаясь к своему товару. – Запомнили, как доехать-то?

– Да, спасибо.

И Лариса покинула торговые ряды Сенного рынка. Вскоре, узнав у местных горожан, куда идет трамвай номер четыре и как добраться до пресловутого моста на машине, она села в свою «Ауди» и поехала в указанном направлении.

Мост представлял собой границу между центральной частью Астрахани и ее окраиной. Собственно говоря, и в центральной части города было достаточно неблагоустроенных деревянных домов, которые составляли целые кварталы. Нередки были немощеные мостовые, железные колонки с водой, деревянные сортиры. После же моста через железную дорогу частный сектор становился все более определяющим ландшафт местности, а стандартные пятиэтажки только подчеркивали унылость района. Напротив одного из таких панельных домов и находилось выкрашенное зеленой краской убежище Павла Кравченко. Найти его было действительно несложно, потому что подобного ядовитого цвета в округе больше не наблюдалось.

Остановив машину, Лариса заперла ее и направилась к дому по вытоптанной дорожке, поскольку специально выложенной не было. Крыльцо перед домом тоже отсутствовало, зато дверь была добротной, массивной и, к удивлению Ларисы, недавно выкрашенной. На стук Ларисы послышалось неуверенное шарканье, потом низкий голос спросил:

– Кто там?

– Мне бы Павла Кравченко увидеть, – сказала Лариса. – Мне сказали, что он у вас.

Мужчина некоторое время покашливал, потом начал отпирать дверь.

– Пашк, тут к тебе пришли, – прокричал он в глубь дома.

Открывшему дверь мужику было на вид лет сорок, длинные с проседью волосы явно давно не чесаны. Одет он был в старую толстовку и спортивные синие трико с ярко-красными лампасами, что придавало ему вид весьма неухоженный. От него за версту несло перегаром, и вообще было видно, что человек пьянствует уже который день подряд. Он даже не поинтересовался у Ларисы, кто она такая, а просто сказал:

– Сюда иди! Разуваться не надо!

Лариса не без опаски прошла в кухню. Собственно, скорее это можно было назвать свалкой, настолько все тут был замусорено. Пакеты с пищевыми отходами были переполнены, и мусор высыпался из них прямо на пол. К тому же их, видимо, уже не хватало, потому что в углу образовалась внушительная куча, состоявшая из пустых банок, бутылок, колбасных обрезков и яичной скорлупы.

Подоконник вообще был завален так, что на нем не было свободного пятка. На столе, залитом какой-то гадостью, стояла початая бутылка водки, а в качестве закуски лежал большой кусок сыра, от которого присутствующие по очереди откусывали, дабы не тратить время и силы на то, чтобы его порезать.

Собутельников, включая того, что открыл дверь, было трое. Один из них, еще молодой темноволосый мужчина с опухшим от алкоголя лицом, по-видимому, и был Павел Кра-

вченко, поскольку третьим присутствующим здесь была женщина, крашеная блондинка, когда-то, наверное, не лишенная привлекательности. Сейчас же выглядевшая так, что трудно было определить ее возраст.

Она была в засаленном полосатом свитере с треугольным вырезом и короткой зеленой юбке... Взгляд, устремленный на бутылку, не выражал ничего, кроме желания выпить.

В общем, перед Ларисой предстала достаточно обычная, увы, картина пьянки рабочего люда, обычная и непривлекательная. На лице женщины при появлении Ларисы, однако, постепенно начало проглядывать некое подобие смущения. Видимо, она оценила разницу между своим внешним видом и ее и как могла попыталась сгладить этот слишком резкий контраст. Она стала суетиться, постоянно закладывая волосы за уши, одернула юбку, улыбнулась Ларисе как-то заискивающе и пригласила ее к столу.

– Тут у нас беспорядок, вы уж извините... Сереж, ты хоть бы со стола вытер! – недовольно посмотрела она на мужчину, который открыл Ларисе дверь. – Совсем без меня распустился! – И тут же обратила взгляд к Котовой, ища поддержку. – У него день рождения три дня назад был, а я как раз уезжала, а они как начали... Приезжаю – ой! Только хотела уборкой заняться, а они не дают! Сначала, говорят, отметить надо.

Ларисе все это было неинтересно, ей нужно было в первую очередь поговорить с Кравченко. Судя по его виду, он хоть и забыл про работу, но сейчас выглядел вполне вменяемым – наверное, еще не успел с утра основательно принять на грудь. И Ларисе нужно было успеть поговорить с ним, пока он не потерял способности более-менее трезво мыслить.

Хозяин квартиры тем временем, ни слова не говоря и не реагируя на щебетание своей собутыльницы, разлил по стаканам водку и пододвинул один Ларисе.

– Спасибо, я за рулем, – вежливо отказалась она. – Мне бы с Павлом поговорить. Есть одно дело.

– Вот выпьем, потом дело будет, – рассудил Сергей.

– А у вас машина? – все с той же угодливой улыбкой проворковала блондинка хриплым голосом.

– Да, – коротко ответила Лариса.

– Ой, как здорово! – Блондинка даже хлопнула в ладоши.

«Только этого мне не хватало, – подумала Лариса. – Сейчас еще начнет приставать – прокати!»

– Меня, кстати, Анжелика зовут, – продолжала блондинка.

– Очень приятно, Лариса, – сухо ответила Котова. – Но я вообще-то пришла поговорить с Павлом: у него могут возникнуть серьезные проблемы.

Кравченко за все это время вообще никак не отреагировал ни на Ларису, ни на ее слова насчет проблем, что заставило ее усомниться в его трезвости и вменяемости, поэтому она решила сразу же перейти к делу.

– Пашк! – тем временем просипел хозяин, толкая в бок Кравченко, который продолжал сидеть с безучастным видом.

– А? – откликнулся тот.

– К тебе пришли вот. Женщина пришла, между прочим! – повысил он голос. – Она не пьет и за рулем. С работы, наверно...

– А? – словно очнувшись, поднял косматую голову Кравченко, всматриваясь в Ларису. – Здравсьте! – неуверенно и как-то даже испуганно произнес он и добавил заплетающимся языком: – Я это... Я завтра выйду на работу. Так и передайте Виктору Александровичу...

– Дело в том, – четко, почти по слогам проговорила Лариса, – что вы можете и не выйти на работу.

– Что он, выгонит, что ль, меня? – поднял голову Кравченко. – Дядя Володя, что ли, меня сдал?

– Нет, дело гораздо серьезнее. Жена Виктора, Татьяна, была похищена три дня назад мужчиной, чьи приметы полностью совпадают с вашими.

– Чего? – вытаращил глаза Кравченко, а вслед за ним на Ларису обратились испуганные и недоумевающие взгляды Сергея и блондинки.

– Да ну... Да нет... – посыпались отрицающие предположение Ларисы возгласы.

– Вы где вообще-то были последние три дня? – жестко задала вопрос Лариса.

– Здесь, – тут же, не задумываясь, ответил Кравченко. – Вот они могут подтвердить. Вы что, я никого не похищал! Кто это сказал, что это я? Да вы что!..

– Это потребуется сделать официально, – сказала Лариса. – Вы, Павел, машину водите?

– Да у него и машины-то никакой нет! – горячо вступилась за собутыльника Анжелика. – И никогда не было.

– Была, но он недавно продал ее, – мрачно поправил женщину Сергей. – Так ведь, Пашка? Ты чего молчишь? – прикрикнул он на приятеля.

Кравченко, опустив голову, кивнул в знак согласия. Он посидел так некоторое время, потом более решительно поднял голову и спросил:

– А вы кто? Вас Виктор, что ли, попросил меня найти?

– Да, – ответила Лариса. – Он очень озабочен тем, где его супруга. Поэтому и разыскивает, в том числе и вас.

– Да я чего... Я завтра на работу выйду, вы ему так и передайте...

– Хорошо, я передам. И все же давайте выясним насчет Татьяны, – продолжала Лариса.

– Ка...какой Татьяны? – До Кравченко никак не мог дойти смысл сказанного Котовой.

– Одним словом, сейчас мы с вами проедем в отделение на опознание. И если свидетельница узнает вас, значит, будете отвечать по всей строгости закона.

Лариса намеренно нагнетала официальность. С пьяницами, как показал ее опыт, независимо от их возраста и социального положения такая тактика была наиболее эффективной. Как правило, эти люди стараются избежать контактов с представителями закона.

Кравченко растерянно хлопал глазами, ничего не понимая. Понимал он только то, что сейчас, возможно, ему придется ехать в ментовку, куда ему, ясное дело, совсем не хотелось.

– Но мы можем поговорить и здесь, – чуть смягчилась Лариса. – Если вы готовы честно ответить на мои вопросы.

– Я... готов! – мотнул головой Кравченко, уловив перспективу не ехать в отделение.

«Так, если сейчас обнаружится, что алиби у него нет, нужно будет срочно везти его к Абакумову, вызывать Машу, и пусть он проводит опознание», – подумала лихорадочно Лариса, оценивая свои возможности перед проведением этой, скажем так, не совсем женской операции.

– Итак, где вы были восемнадцатого сентября в шесть часов вечера? – спросила она.

Павел отчаянно наморщил лоб.

– У меня... это... все числа в голове перепутались! – сообщил он виноватым голосом.

– Восемнадцатого числа вас не было на работе. Где вы были? – повторила вопрос Лариса.

– Да е-мое! Здесь мы все были! – подал голос хозяин дома Сергей. – Как раз с семнадцатого числа и тусуемся. И он, и эта! – Он кивнул в сторону Анжелики. – Три дня назад, семнадцатого, у меня день рождения как раз был. Вот мой паспорт, смотрите. – Хозяин квартиры вынул из кармана висевшего неподалеку пиджака грязную книжицу и показал Ларисе одну из ее страниц.

Там было написано, что Сергей Алексеевич Пузырев родился 17 сентября 1963 года. Данные, таким образом, совпадали.

– Он как пришел, мы, значит, выпили... Ну а потом Анжелика пришла... Ну и он остался ночевать. А потом еще сходили взяли, знаете, как бывает – недогон один раз, второй... – начал оправдывающимся голосом говорить Пузырев.

– Точно! – подтвердила Анжелика. – Мы праздник отмечали.

– Да все соседи могут подтвердить! – просипел Сергей. – Мы с пяти часов сели, ну, выпили, как водится, ну, пошумели малость... А они как раз жаловаться пришли, что шумим и мешаем...

– Ой, да чего мы там мешали-то? – недовольно махнула рукой Анжелика.

– Да? – ехидно спросил Сергей. – А кто голый на столе выплясывал и орал при этом частушки матерные?

– Ой, ну, погорячилась немного, разошлась, что тут такого? Все-таки день рождения! – покраснела Анжелика, недовольно замахиваясь на Сергея.

– А у вас документы имеются? – повернулась Лариса к блондинке.

– Имеются, – почти радостно объявила та и полезла в свою куртку.

Вскоре Лариса имела возможность выяснить возраст блондинки. Ей было всего-навсего двадцать шесть, но, увы, образ жизни, который она вела, не способствовал тому, чтобы она выглядела на свои годы. «Тридцать пять как минимум» – таков был безжалостный вердикт Ларисы.

Котова взглянула на фотографию, где была запечатлена Анжелика в шестнадцать лет, и поразились тому, насколько пьянство и неподобающий образ жизни могут состарить женщину за десять лет.

– Так что, звать соседей-то? – спросил Сергей. – Правда, поздно уже. Но они подтвердят, что Пашку здесь видели. Как раз около шести часов, когда вы говорите, что похищение было. А потом он никуда и не уходил. Всегда бегал в магазин... Один недогон, второй, знаете, как бывает... – развел он руками, улыбаясь и призывая к пониманию.

– Ясно, – оборвала исповедь пьяницы-именинника Лариса. – Не исключено все-таки, что вам придется проехать со мной в милицию, чтобы там подтвердить ваши показания. Но это будет позже. А сейчас – у меня свои дела, я должна ехать.

Котова решительно поднялась со стула. В принципе она поверила на девяносто процентов в то, что Павел Кравченко не виноват в случившемся с Татьяной Прошаковой. Его состояние, плюс показания собутыльников, плюс отсутствие мотива, машины... Все это в итоге говорило о его непричастности. Следовательно, больше терять времени на разговоры с пьяницами не было смысла.

Выйдя на улицу, Лариса подумала, что самое время связаться с Романом. И из машины позвонила ему по мобильнику. Батурин, правда, разочаровал ее – ему сообщили, что Анатолия Николаевича сегодня уже на работе не будет, а завтра он должен весь день быть в магазине. Батурин выяснил домашний адрес Вельчинского и уже съездил туда, но и там не застал хозяина. Соседи сказали ему, что Анатолий дома сейчас не бывает, а вроде бы, по слухам, живет у какой-то подружки, адреса которой они, естественно, не знают.

Глава 5

Алла Суровикина выросла в неполной семье. Отец девочки умер, когда ей было всего три года, и мать, человек мягкий, добрый, с сильно выраженным чувством справедливости, воспитывала ее одна. Именно в таких же традициях она воспитывала и свою дочь. И Алла охотно впитывала навыки, которые прививала ей мать, разделяла ее взгляды на жизнь.

Она и выросла очень похожей на маму – такая же русоволосая, голубоглазая и очень женственная. Ее не называли красавицей, не ахали и не оборачивались ей вслед. Но стоило познакомиться с девушкой ближе, как становилось понятно, что она и не нуждается в какой-то особой яркости: в ней было то, чего не приобретешь с помощью никаких пластических операций и косметических средств, – обаяние. К сожалению, недостатком женского воспитания являлась некая наивность, идеализация действительности. К людям Алла относилась с любовью и абсолютно всех считала хорошими и добрыми. Если же сталкивалась с проявлением каких-то недостатков, относилась к таким людям как к больным, которых нужно лечить. И могла нянчиться, возиться, тратить время на них, чего, в сущности, не стоило делать, нередко в ущерб себе. Она вообще была склонна к самопожертвованию.

Первые признаки такого альтруизма появились еще в школе, классе в третьем. С нею вместе учился мальчик, которого и учителя, и родители других детей называли не иначе как хулиганом. Юра был из неблагополучной семьи. Его тоже воспитывала одна мама, но в отличие от Аллы отец у него не умер, а сидел в тюрьме. А мама... Ее никто из одноклассников никогда не видел, а учителя при учениках предпочитали не говорить о ней. Но однажды Алла услышала о том, что она пьет. Не очень вникнув в смысл этого, уяснила только, что это что-то нехорошее. А как-то завуч школы в разговоре с классным руководителем бросила фразу «мальчика нужно спасти».

Алла помнит, что испытала тогда прямо-таки оглушающее чувство – ей казалось, что спасти должна именно она, правда, не представляя себе как, но это было неважно. Главное, что она была к этому готова. Собственно, учительница и подсказала решение – Юра учился плохо, кому-то из одноклассников нужно было с ним позаниматься. Ну кому же, как не ей, Алле! Она первая подняла руку, и в тот же день после уроков они пошли к ней домой. Юра поначалу идти не хотел, упирался и насмехался над девочкой, презрительно называя ее «училкой», но она, не обращая на это внимания, крепко взяла его за руку и повела за собой.

Мама Аллы встретила их радушно, накормила и отправила заниматься. Пока дети корпели над учебниками, она осмотрела Юрину куртку, зашила на ней дырки и почистила башмаки. На дорогу она нагрузила Юру свежее испеченными пирожками и пригласила приходить в гости.

На следующий день ситуация повторилась, только теперь Юра шел охотнее. Правда, он вел себя все еще грубовато, часто смеялся над Аллой, дергал ее за косички и норовил сделать какую-нибудь пакость, но Алла терпеливо сносила это. В конце концов они стали заниматься почти каждый день, и оба привыкли к этим занятиям. Алле они приносили радость, она испытывала и чувство гордости, считая, что делает очень большое и важное дело. И пусть на это уходило немало времени и сил, не в этом дело. Главное, чтобы мальчик стал охотно учиться и все у него сложилось хорошо. Так продолжалось до момента, пока однажды Юра не пришел в школу. Его не было три дня, а на четвертый Алла не выдержала и, посмотрев в классном журнале адрес, после уроков отправилась к нему домой.

Она еще ни разу не была у него, и ей пришлось поплутать в запутанном частном секторе, пока она не нашла этот старый дом. По дороге девочка думала, что Юра, может быть, заболел, может быть, ему плохо, что он уже пропустил несколько занятий и ему потом будет труднее

все это наверстывать. Она купила в магазине по дороге пирожное с заварным кремом для него и очень торопилась.

Алла подошла к деревянной калитке перед домом и постучала. Сразу же послышался залихватистый собачий лай, а следом на крыльце появился Юра. Увидев Аллу, он просиял и хотел было бежать ей навстречу и отпереть дверь, как из дома раздался резкий хриплый голос, а следом показалась женщина с грубым, опухшим лицом. Она грубо окликнула Юру, и тот будто сжался под ее окриком. Потом женщина заметила Аллу и громко спросила, что ей нужно.

– Я его одноклассница, пришла узнать, почему Юра не ходит в школу, – ответила девочка.

– Не ходит, потому что мать у него болеет!

– А что с ней? – спросила Алла. – И где она?

– Его мать – я, – сказала вышедшая из дома. – И когда ему в школу ходить, решать мне! А ты иди отсюда, а то сейчас собаку спущу! Юрка, слышь? Давай гони отсюда эту соплячку, жрать пора готовить!

Юра нерешительно посмотрел на Аллу, потом на мать.

– Ну? – повысила та голос.

– Ты лучше уходи, – сказал он и вдруг закричал: – И не приходи сюда никогда больше, поняла? А то... А то сейчас и правда собаку спущу! Белка!

Он сбежал с крыльца, и Алла резко отскочила от калитки. Собака зашлась надрывным лаем, и девочка, не оглядываясь, помчалась по переулку домой. К вечеру у нее поднялась температура, и мать очень тревожилась, что произошло с дочерью.

Юра в школе больше не появлялся, Алла краем уха слышала, что его перевели в интернат. Она старалась не вспоминать о нем. Первый раз в жизни она столкнулась с проявлениями жестокости и несправедливости и восприняла это очень тяжело.

А потом... Сколько потом было всякого!.. Сколько ей пришлось вытерпеть от людей, которым она, кроме добра, ничего не делала.

«Сама виновата, для кого стараешься?!» – говорили ей подруги и были, в сущности, правы. Действительно, ради кого она всегда старалась, приносила себя в жертву? Разве не видела, не понимала, что за человек перед ней? Нет, конечно, все видела и все понимала. Но привитое матерью убеждение, что каждый человек в душе хороший и заслуживает сочувствия и заботы, не давало ей жить для себя, быть счастливой, а не пытаться осчастливить других.

В итоге она потом не раз разочаровывалась, не раз сталкивалась с предательством, и оставалось только удивляться, как она не разочаровалась во всем человечестве и в жизни вообще. Эта ее жалостливость и забота о других привели к тому, что она тоже воспитывала своего ребенка одна. Только отец ее дочери не умер, как когда-то ее, а просто и банально бросил их, естественно, после того, как Алла потратила на него почти все свои деньги, не считая нервов и здоровья.

Но она по-прежнему не унывала, ее часто видели со счастливой улыбкой на лице. И дочь воспитывала, как воспитывала ее мама, – доброй, бескорыстной, справедливой. И видя, как маленькая Дашенька улыбается ей, как играет с другими детьми, никого не обижая, стремясь всегда и во всем к справедливости, Алла убеждалась снова и снова, что все делает правильно. Пусть даже иногда и в ущерб себе.

Отца своей дочери она давно простила, хотя он так ни разу и не навестил ее и не предложил никакой помощи. С момента их расставания прошло уже шесть лет, рана затянулась, но Алла долго не могла даже смотреть на мужчин. Вроде бы и дома не сидела – обстоятельства вынудили ее вскоре после родов устроиться на работу, – и сама довольно общительная, и представители сильного пола навязывали свое знакомство, но сердце ее не откликалось: она, как всегда, жила проблемами других, ну и, конечно, своей дочери.

Те мужчины, которые не пользовались ее добротой, не злоупотребляли безотказным характером, нередко становились Алле хорошими друзьями. Так получилось и с Виктором

Прошаковым, руководителем фирмы, в которую Алла устроилась бухгалтером. Спокойный и доброжелательный, он сразу понравился Алле, она почувствовала, что ей будет легко у него работать. И не ошиблась. А когда и зарплата оказалась вполне достойной, то и вовсе уже не задумывалась над тем, чтобы сменить место работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.